

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Белые ночи
с Херувимом

Частный сыщик Василий Куликов

Наталья Александрова
Белые ночи с Херувимом

«ЭКСМО»

2012

Александрова Н. Н.

Белые ночи с Херувимом / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2012 — (Частный сыщик Василий Куликов)

ISBN 978-5-699-57431-5

Кате Руслановой наконец-то повезло в жизни, удалось переехать из маленького провинциального городка в культурную столицу. Удача улыбнулась – в самом центре Питера по очень низкой цене Катя приобрела шикарные апартаменты. Квартира просторная, чистая, без всякого обременения, но почему она так дешево стоит? Этот вопрос Катя задала себе гораздо позже, когда поняла – с ее квартирой что-то не так. Во время ее отсутствия сами по себе в комнате перемещались вещи, разбивалась посуда, пропадали мелочи. Или это шалости привидения, или кто-то посторонний постоянно навещает ее жилище. С этим вопросом Русланова и обратилась в детективное агентство. Частному сыщику Василию Куликову, его коллеге Василисе и, конечно же, бесценному помощнику огромному догу Бонни нужно разгадать тайну нехорошей квартиры и узнать, какие секреты она скрывает от новой хозяйки...

ISBN 978-5-699-57431-5

© Александрова Н. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	37
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Белые ночи с Херувимом

– Постой, Михалыч! – рабочий придержал рукав, протянутый от устья бетономешалки, и заглянул в проем, огороженный деревянной опалубкой. – Тут, кажись, что-то есть...

– Чему там быть... – недовольно проговорил бригадир. – Давай работай! Сегодня к обеду хозяин приедет, а у нас фундамент не залит... будет нам всем выволочка по первому разряду!

Бригада вторую неделю работала на строительстве коттеджа в поселке возле Выборгского шоссе, и с самого начала работа не заладилась – то крановщик запил в самый неподходящий момент, то цемент завезли отсыревший, то вместо деловых досок привезли горбыль. А теперь вот Огурцов что-то выдумал...

Михалыч на всякий случай заглянул в проем будущего фундамента.

На дне ямы и вправду лежал какой-то громоздкий сверток.

– Никак ковер... – проговорил глазастый Огурцов. – Что делать будем, Михалыч?

– Это не иначе соседи бросили! – Бригадир неприязненно сплюнул. – Вот ведь паразиты чучмекские! До помойки им лень доехать! Ну, глянь, что там такое.

На соседнем участке работала бригада таджикских гастарбайтеров. И каждое утро Михалыч находил на своей площадке строительный мусор, который ленивые соседи перебрасывали через забор. Михалыч пытался поговорить на эту тему с бригадиром таджиков, но тот ни слова не понимал по-русски. Или делал вид, что не понимает.

– А может, черт с ним? – Огурцов пошел на попятную. – Зальем бетоном, и дело с концом!

По всему видно – очень уж не хотелось ему лезть в яму.

– Нет уж! – огрызнулся бригадир. – Раз уж углядел – полезай! Сам знаешь, Огурцов: инициатива наказуема!

Огурцов оперся на опалубку, сиганул вниз. Оттуда донесся его приглушенный голос:

– И правда, Михалыч, ковер! А в ковре... мать моя женщина! В ковре никак труп!

Вот это неприятность так неприятность! Теперь придется вызывать милицию... работа встанет неизвестно на сколько, да еще менты начнут разбираться – откуда труп, да не виноваты ли сами строители... Может, и правда – залить его бетоном, да и дело с концом? Сделать вид, что ничего не было! Как говорил один умный человек и передовой менеджер, нет трупа – нет проблемы!..

Но вдруг рядом с Михалычем нарисовался молодой парень, недавно принятый в бригаду. Студент-медик, подрабатывает на каникулах.

– Где труп? – спросил озабоченно. – Точно труп? Погоди, я сейчас погляжу!

– А тебя кто звал? – рявкнул на него бригадир. – У тебя своя работа есть...

– Погоди, Михалыч! – Студент уже спускался в яму. – Может, он еще живой...

Ну все. Теперь от этого молокососа не отвертишься, придется вызывать милицию!

На дне ямы студент с Огурцовым развернули отсыревший, в комьях земли ковер. В нем оказался мужчина со слипшимися, темными от крови волосами.

– Точно, покойник! – выдохнул Огурцов и перекрестился.

Он не был религиозен и в церковь не ходил, а перекрестился по инерции, а больше – с перепугу.

– Покойник! – повторил он уверенно. – Ну, теперь нам мороки будет... милиция нагрянет, по допросам затаскают...

– Погоди! – прикрикнул на него студент. – Не шуми, дай послушать...

Он прижался к груди покойника ухом и замер, к чему-то прислушиваясь...

– Охота тебе об него мараться! – бубнил Огурцов. – От покойников, говорят, заразиться можно... В них трупный яд и еще чего-то...

– Остынь, Огурцов! – перебил его студент. – Вылезай из ямы, скажи Михалычу, чтобы «Скорую» вызывал.

– «Скорую»? – переспросил Огурцов. – На фигу покойнику «Скорая»?

До него все медленно доходило.

– Дышит он еще, – проговорил студент, поудобнее укладывая тело. – Может, еще удастся спасти...

– Ох, не успеем мы залить фундамент! – проговорил Огурцов, вылезая из ямы.

– Вот положение! – Я поднесла к глазам мобильник и потыкала в кнопки, потому что на дисплее высветилась надпись: «Нет соединения». Ну, я примерно этого и ожидала. То есть ничего подобного я не ожидала. Господи, ну за что мне такое наказание?

Это просто даже не наказание, а какая-то пожизненная каторга. Весит эта каторга без малого семьдесят килограммов, имеет песочный цвет шерсти и пасть, как у бегемота. И все это великолепие является очень породистым бордоским догом и зовется Бонифацием, а проще – Бонни.

Мы с Бонни живем вдвоем и прекрасно ладим друг с другом. Он меня обожает, но совершенно не слушается. То есть я, конечно, пытаюсь применять всевозможные воспитательные методы – поочередно воспитываю Бонни по Макаренко, по Песталюцци и по доктору Споку, но проку, откровенно говоря, никакого.

Все же он меня любит и старается не огорчать. По моей просьбе на прогулке Бонни не убегает далеко, не пугает детей и не дерется с собаками. Дело не касается только кошек. Вот тут Бонни собой не владеет и несется за каждой хвостатой особой, невзирая на ее пол, масть и общественное положение.

Я снова потыкала в кнопки телефона – просто для того, чтобы был хоть какой-то проблеск света в непроглядной темноте. Вот именно, я нахожусь сейчас одна в каком-то пыльном и заваленном хламом ангаре или же в бывшем гараже. Выйти отсюда я не могу, потому что гараж заперт снаружи, имеется единственное окошко – узкое, закрытое решеткой. И телефон не дает соединения.

Вот такая вот ситуация. Как выражается мой шеф Василий Макарович Куликов, положение хуже губернаторского.

А как все было хорошо еще час назад!

Я проснулась рано, потому что в окно светило солнце и, несмотря на то что календарное лето кончилось неделю назад, распевали птицы. Бонни поднял лобастую голову и легонько боднул мою кровать – вставай, мол, пропустим все интересное.

После недельных дождей в нашем городе установилась чудная погода, деревья радовали глаз зеленой еще листвой, у меня в садике цвели поздние астры и один бордовый георгин (насчет него с Бонни был серьезный разговор, и пес поверил, что, если что с цветком случится, я его никогда не прощу).

Бонни смотрел искательно, и я решила сразу же идти на прогулку – кто его знает, как долго продержится хорошая погода, пускай собачка подышит воздухом.

И все было прекрасно: мы прошли до собачьей площадки, а потом по берегу речки Смоленки мимо лютеранского кладбища и поворачивали уже к дому, но тут злосчастная судьба послала нам навстречу кота. Я, как только его увидела, – сразу поняла, что с этим котом у нас будут особенные неприятности.

Сами посудите: котище черный, огромный и ужасно боевой с виду. Во всяком случае, из левого бока выдран у него солидный клочок шерсти, а правое ухо слегка провисло, прокушенное в драке.

Кот шел по своим делам и пересекал нам дорогу вовсе не из провокационных соображений.

Забыла уточнить, что Бонни хоть и охоч до кошек, но до сих пор не причинил ни одной из них ни малейшего вреда. Пока мой здоровенный бегемот повернется, кошка успеет не то что удрать, а перехватить в ближайшем магазине кусок колбасы, слопать его, да еще и выпасться после обеда.

При виде черного кота, возникшего перед самым носом, Бонни сделал стойку с поднятой лапой, как будто он не бордоский дог, а спаниель на болоте. Кот неторопливо повернул голову и бросил на Бонни спокойный взгляд через плечо.

– Бонни, не надо! – взмолилась я и вцепилась в поводок.

Ничего не действовало – ни строгие слова, ни взгляды. Бонни торжествующе рыкнул и бросился на кота. То есть на то место, где кот только что был.

Прыжку его позавидовал бы сам царь зверей на охоте. То есть что это я говорю – известно ведь, что сам лев никогда не охотится, за него эту работу делают львицы. Так вот, Бонни взвился в воздух, у меня сработал инстинкт самосохранения, и руки сами выпустили поводок – бывали случаи, когда этот бронтозавр тащил меня по асфальту волоком, месяц потом синяки и ссадины залечивала.

Бонни приземлился на асфальтовую дорожку с грохотом и в полном недоумении заглянул под себя. Не обнаружив кота, он огляделся по сторонам и заметил хвостатого прохиндея чуть в стороне, целого и невредимого. Более того, кот издевательски мяукнул и прошелся туда-сюда, держа хвост пистолетом. Все ясно, решил развлечься.

Мой бегемот сгруппировался и прыгнул снова. Кот ловко увернулся и юркнул в узкий проход между домами.

– Бонни, стоять! – беспомощно заорала я, понимая уже, что на сегодняшний день кончилась моя спокойная жизнь. А утро было так прекрасно...

Последнюю мысль я додумала на бегу. Впереди мелькнул песочный силуэт. Я отбросила вообще все мысли и припустилась за Бонни.

Мы проскочили узкий проход, миновали длинное кирпичное строение непонятного вида, оставили позади несколько чахлах пыльных кустиков и выскочили на небольшую площадку. С двух сторон ее окружали старые железные гаражи, еще там был деревянный, давно не крашенный забор, а прямо напротив – открытые двери ангара. Или сарая. Или большого гаража – я не успела уточнить. Чуть в стороне стояла крытая «Газель», кузов был открыт.

Кот молнией промелькнул через площадку и юркнул в открытые двери ангара. Бонни с топотом и треском поперся за ним.

– Бонни! – в который раз крикнула я. – Назад!

Разумеется, никакого эффекта. И я, как полная дура, потащилась за ним в ангар.

Когда я вошла, осторожно приоткрыв дверь, то невольно замешкалась на пороге, потому что после солнечного утра мне показалось, что внутри темновато. Ни Бонни, ни кота не было видно. Я пошла вперед, потому что вдалеке слышались какие-то неопределенные звуки – не то стук, не то бряканье, не то шорох. Теперь я шла, стараясь не шуметь, – все же ангар этот явно чья-то частная собственность, еще подумают, что я воровка, накостыляют...

Внутри ангар был больше, чем казалось снаружи. Я шла мимо штабелей каких-то деревянных поддонов, груды металлолома, старых покрышек. Стали слышны голоса, и мне это не понравилось. Голоса были мужские, грубые, один беспрестанно матерился. В общем, совершенно неподходящая компания для приличной молодой женщины, каковой я себя считаю.

Правда, приличные молодые женщины не шастают по темным ангарам в одиночку – тут же произнес внутри ехидный голос. Приличные женщины носят строгие деловые костюмы с короткой юбкой и туфли на каблуках, ездят на дорогих автомобилях, вечерами встречают

мужа с работы сладким поцелуем и вкусным ужином. Все у них распланировано, разложено по полочкам, и в их жизни просто не может быть места пыльным гаражам и их грубым обитателям.

Вспомнив про мужа, я привычно огорчилась. Был ведь он у меня, целых шесть лет был. Но оказался таким подлецом, что и рассказывать неохота. И вроде бы все у нас с ним давно кончилось, имущество поделили и разбежались, а вот все не могу забыть того кошмара, в который он меня втянул.

Ладно, проехали, сейчас не время копаться в душе, сейчас нужно выудить Бонни из этого ангара и спешить домой – у меня, между прочим, работа. Но где искать этого негодяя?

Я подкралась совсем близко и осторожно выглянула из-за штабеля. В тусклом свете дежурной лампочки двое мужчин передвигали какие-то коробки. Третий стоял поодаль и наблюдал. Один из грузчиков был совсем молодой парень – маленького роста, какой-то дерганный, он делал множество ненужных движений и все время матерился. Причем не со зла, а просто так, для разговора, иначе он просто не умел. Второй был мужичок не промах. Хитренькие глазки прятались под набрякшими веками, и мне со стороны было видно, что коробку он берет умеючи, так, чтобы его напарнику больше веса досталось.

Третий, который был главным, выглядел посерьезнее. Смуглый, волосы темные, одет в джинсы и такую же рубашу. Он внимательно наблюдал за грузчиками, не забывая прислушиваться и оглядываться. Был, в общем, настороже. А когда человек настороже? Когда он чего-то боится. Или делает что-то недозволенное.

Под моей ногой звякнула консервная банка, и этот тип тотчас вскинул голову. На миг мне показалось, что он увидел меня. Сразу стало страшно – этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Я застыла, как была, с поднятой ногой.

– Кто там у тебя, Степаныч? – сквозь зубы спросил главный.

– Да крысы, – с досадой отозвался тот ухарь на все руки. – Тут раньше муку хранили, так крыс развелось – жуткое количество. Я вот думаю: сейчас-то им жрать нечего, так чего они не уходят?

Между делом он незаметно отодвинул одну коробку в сторону и пытался запихнуть ее за тот самый штабель деревяшек, где пряталась я. У меня замерло сердце – сейчас обнаружат и отметелят как следует. Это еще в лучшем случае.

– Сорок восемь, – считал коробки главный, – сорок девять... А где еще одна? Степаныч, куда последнюю коробку девал?

– Ну, Расул, – заныл Степаныч, – ты же обещал мне процент...

– Обещал – дам, – твердо ответил главный, – но не телевизорами, а деньгами.

– Так то когда еще ждать...

– Вот именно, – Расул сверкнул глазами. – Тебе невтерпех, станешь сам этот телик несчастный продавать, заметут тебя менты, и ты меня сдашь за милую душу. А ну давай сюда коробку! – Он так рявкнул, что Степаныч мигом выкатил несчастный телевизор, не заметив меня.

А я испугалась еще больше. Эти трое разбираются с краденой партией телевизоров. И конечно, свидетели им ни к чему. Могут и придушить тут, в ангаре-то. Никто не заступится, и никто не найдет.

Я стала осторожно отступать. Нужно уходить, жизнь дороже. Найдут они Бонни – отпустят, он-то их не выдаст. И плохого ему ничего не сделают, побоятся.

Я повернула к дверям, но не нашла их на месте. Ага, стало быть, не тот был поворот. Я побоялась возвращаться, решила срезать дорогу и попала в тупик. Пока выбиралась, голоса слышались почти рядом, они возвращались.

– Смотри, Степаныч, головой за них отвечаешь, – втолковывал Расул. – Охраняй тут, никуда не уходи. К вечеру за ними приедем, договорился уже. Замок у тебя хлипкий, так что сиди здесь, а то как бы пацаны ангар не вскрыли. Или еще кто...

– И не волнуйся, и не беспокойся, Расул! – частил Степаныч. – Будет все в полной сохранности, не в первый раз замужем.

Я приободрилась: эти двое уйдут, а со Степанычем я как-нибудь справлюсь, если Бонни поможет. Но где же этот негодяй? Втравил меня в такую историю, а сам куда-то делся...

Я тихонько шла в направлении голосов. Вот громко скрипнула дверь, Расул сказал что-то строгое напоследок, потом послышался шум отъезжающей машины. Я выждала еще немного. Но тут вдруг погас свет, и я очутилась в крошечной тьме. Дверь захлопнулась, я услышала звук запираемого замка.

– Стойте! – Но когда я подбежала к двери, снаружи никого не было.

Степаныч удалился в неизвестном направлении. И один черт знает, когда он вернется.

– Бонни! – позвала я. – Бонечка, где ты?

Ответом мне было молчание. Ни лая, ни рыка, ни шороха. То есть шорох как раз был. Но совсем не такой, какой издает крупная собака в замкнутом помещении. Шорох был от множества маленьких лап.

«Крысы! – вспомнила я. – Тут полно крыс. Еще Степаныч удивлялся, что они тут едят. Ой, мама!»

Я поняла: долго я тут не высижу – умру от страха или с крысами будут проблемы.

– Бонни! – рявкнула я. – Немедленно сюда!

И снова никто не отозвался.

«Спокойно! – приказала я себе. – Только не впадать в панику! Тут кричи не кричи – все равно никто не услышит! Нужно вызывать дядю Васю, он придет и меня выпустит. Говорил же этот Расул, что замок на ангаре хлипкий. А если Степаныч явится, то дядя Вася сумеет его припугнуть, у него с таким мелким жульем опыт общения есть, четверть века в милиции отслужил...»

Я приободрилась и достала из кармана мобильник. Но оказалось, что в проклятом месте связь не работает.

И вот теперь я сижу как полная идиотка в этом пыльном ангаре и жду, когда меня съедят крысы. Больше-то им жрать некого – Степаныч сказал, а он знает.

И Бонни куда-то запропастился. Может, они его уже съели? У моего питомца фобия – он ужасно боится крыс, просто до обморока. Я не шучу, сама видела, как он хлопнулся на пол, когда увидел симпатичную белую крыску моего приятеля Паука¹. Крыску звали Шушара, и она просто хотела с Бонни немножко поиграть.

– Бонни! – снова позвала я. – Отзовись!

Снова ни вдоха, ни стопа, ни стука, ни рыка. Зато крысиный шорох и писк стали гораздо лучше слышны. Со страху мне показалось, что кто-то пробежал по ноге.

– Мама! – заорала я, хотя только что призывала себя этого не делать.

Каким-то чудом мне удалось нашарить возле двери выключатель. И ничего не произошло, свет не зажегся. Очевидно, гад Степаныч отключил общий рубильник. Я пнула ногой дверь и выругалась, совсем как тот давешний парень. Не помогло.

Посидев немного на поваленном поддоне, я решила поискать хоть какое-то окошко. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, было видно вдалеке бледное пятно.

Не спрашивайте, сколько шишек и синяков набила я, пока дошла. Однако результат не порадовал, потому что окошко оказалось слишком маленьким, да еще и забраным ржавой решеткой. К тому же находилось оно высоко, почти под потолком.

Ну, это дело поправимое. Я подтащила кучу деревянных ящиков, сверху положила две доски, еще чурочку – и вот я наверху. Вблизи оказалось, что на окне не решетка, а кое-как

¹ См. роман Н. Александровой «Игры с неверным мужем».

прикрученная проволока. Мне удалось оторвать один кусок, так, чтобы можно было протянуть в окно руку с телефоном. На улице-то сигнал обязательно будет.

Я снова, затаив дыхание, нажала нужную кнопку. И вытянула руку в окно как можно дальше. Длинные гудки, еще, еще... Да спит он там, что ли?

Вот наконец-то раздался солидный голос моего шефа и начальника детективного агентства:

– Куликов слушает!

– Дядя Вася! – заорала я, дернувшись.

От толчка вся сложная конструкция подо мной зашаталась, ящики заходили ходуном. Чтобы не шлепнуться с такой высоты, я схватилась за раму и выпустила из рук телефон. И, разумеется, по закону полного свинства мобильник выпал наружу.

Это конец, поняла я, нащупывая ногами шаткую опору. Удалось это сделать с третьего раза. И тут я услышала тихое и очень выразительное подвывание. Под окошком стоял Бонни и держал в зубах мой мобильник. Оказывается, этот негодяй успел выскочить из ангара, а меня заперли здесь, как дикого зверя в клетке!

– Ты мерзкое, отвратительное чудовище! – с чувством сказала я. – Я тебя ненавижу!

Бонни смотрел виновато. Ящики подо мной снова зашатались, пришлось отпустить окно и прыгать вниз. Странно, но я ничего себе не повредила. Бонни горестно взлалял снаружи.

Пока я сидела на полу и почесывала ушибленные места, крысы осмелели и подошли ближе. Мелькнула одна тень, потом другая, я даже услышала писк. Я метнула в ту сторону обломок ящика. Не помогло, крысы совсем обнаглели. Я почувствовала, что волосы на голове зашевелились от страха. Перед глазами почему-то встали газетные заголовки: «Молодая женщина съедена крысами заживо», «Крысы-убийцы» и совсем уж киношное «Смерть в ангаре».

В это время рядом со мной материализовалось что-то большое, черное и пушистое. Оно бесшумно приземлилось на мягкие лапы, едва коснувшись меня боком.

Давешний кот сверкнул зелеными глазами, пригнулся к земле и зашипел. Потом душе-раздирающе мяукнул и забил хвостом. Вы не поверите, но крысы отступили. Они замерли, во всяком случае, я не слышала оттуда никаких звуков. Кот шагнул в их сторону и угрожающе зарычал, мяуканьем это назвать было нельзя. Он гипнотизировал их, как питон Каа несчастных бандерлогов. А потом прыгнул.

Хорошо, что я плохо вижу в темноте, поэтому была избавлена от ужасного зрелища.

Оставшиеся крысы разбежались, кот благородно не стал предъявлять мне результаты своей удачной охоты.

– Прими мое восхищение, – искренне сказала я. – Это было круто.

Котяра самодовольно облизнул усы и удалился.

Я же осталась в полном одиночестве и неведении относительно собственной судьбы. Помощи ждать было неоткуда.

Василий Макарович Куликов пристально смотрел на своего посетителя, и душу его терзали смутные сомнения.

С одной стороны, нынешний посетитель был хоть куда: аккуратно причесан, тщательно выбрит, одет в дорогой импортный костюм. С другой же... С другой стороны, развитое за долгие годы профессиональное чутье говорило Куликову: с посетителем что-то не так.

Правда, нужно уточнить: в дорогой одежде Василий Макарович не очень хорошо разбирался. Вряд ли он смог бы различить костюмы от Армани и от Кардена. Более того, страшно сказать: с его точки зрения, упомянутый костюм от знаменитого итальянского модельера мало чем отличается от изделия пошехонской фабрики мужской одежды. Два рукава, два лацкана, три или четыре пуговицы. Прочие тонкости были для Василия Макаровича недоступны.

В прежние времена за его гардеробом следила жена, а в последние годы – хорошая девушка Василиса. Но все же он был уверен, что костюм на посетителе дорогой и модный.

– Ну, так все же, – вторгся потенциальный клиент в его мучительные раздумья, – вы возьметесь за это дело?

Василий Макарович тяжело вздохнул.

Они с Василисой уже второй месяц сидели без работы, и деньги стремительно подходили к концу.

Работа у них была специфическая. Последние полтора года Василий Макарович работал частным детективом.

До того он четверть века верой и правдой отслужил в одном и том же отделении милиции, дослужившись всего лишь до скромного звания майора. Когда же пришла пора выйти на пенсию по выслуге лет, он был рад до умопомрачения – наконец можно будет выспаться по-человечески, наконец не будет больше бессонных ночей, долгих опасных засад, утомительных погонь, не будет крайне неприятных криминальных личностей, с которыми сталкивала его трудная милицмейская служба, не будет разносов от сурового начальства...

Родное отделение с почетом проводило его на заслуженный отдых, и первую неделю Василий Макарович чувствовал себя свободным и счастливым. Он спал до девяти, а то и до десяти часов, спокойно пил кофе на кухне, возился в гараже со своим «жигуленком», много времени проводил на свежем воздухе...

На вторую неделю он почувствовал смутное беспокойство.

Ему чего-то не хватало.

Он снова стал просыпаться в шесть утра и ворочался в постели, пытаясь разобраться в своих чувствах, и наконец понял, что не хватает ему как раз всего того, от чего он так уставал на службе, – утомительных погонь, многочасовых засад, головоломных расследований и даже выговоров от начальства.

Конечно, у него имелось интересное хобби: Василий Макарович мастерил из картона и бумаги модели бронетанковой техники времен Второй мировой войны. Но раньше он занимался этим исключительно в свободное от работы время, теперь же все его время было свободным, и интерес к хобби резко упал.

Кроме того, имелся у него телевизор – новенькая плазменная панель, которую на прощание подарили Куликову бывшие сослуживцы. Но Василий Макарович всю жизнь считал телевизор ящиком для идиотов и не собирался менять свои представления на старости лет.

Короче, Куликов понял: для того чтобы сохранить психическое здоровье, ему нужна работа. Причем не какая-нибудь, а та, к которой он привык за долгие годы беспорочной службы – с погонями, засадами и расследованиями.

И Василий Макарович открыл частное детективное агентство. Он переоборудовал одну из двух своих комнат под офис, дал объявление в рекламную газету и стал ждать клиентов.

В процессе этого ожидания он познакомился с упомянутой выше хорошей девушкой Василисой, а заодно – с Бонни, и тем самым штат детективного агентства увеличился вдвое, а если считать Бонни, то даже втрое. Сам Василий Макарович был директором агентства и начальником оперативного отдела, Василиса – секретарем и бухгалтером, а Бонни... ну, он и есть Бонни.

Правда, со временем роли немного изменились: Василиса при необходимости неплохо справлялась с оперативной работой, в особенности если нужно было проникнуть туда, где на Василия Макаровича посмотрели бы косо, – например, в салон красоты или в СПА... Кроме того, в ней открылись большие способности практического психолога. Василиса могла с первого взгляда определить, какой клиент достоин внимания, а с каким лучше не связываться, потому что не получишь на свою голову ничего, кроме неприятностей.

Именно поэтому Василий Макарович сейчас очень хотел бы, чтобы Василиса взглянула на сегодняшнего посетителя и высказала о нем свое мнение.

Он в третий раз за последние полчаса набрал номер мобильного Василисы – и снова равнодушный механический голос сообщил ему, что абонент находится вне зоны действия сети.

– Да куда же она запропастилась... – пробормотал в сердцах Куликов. – Как надо, так ни за что ее не найдешь...

– Что вы говорите? – удивленно переспросил потенциальный клиент.

– Да нет, это я не вам, это я своим мыслям... – отмахнулся Василий Макарович. – Так все же, чего конкретно вы от меня хотите?

– Чтобы вы избавили меня от слежки, – ответил клиент с едва заметным раздражением.

– А кто за вами следит? – забеспокоился детектив. – Если милиция, то я пас, я с милицией не конфликтую!

– Нет-нет! – горячо возразил посетитель. – Не беспокойтесь, никакой милиции! За мной следят люди, нанятые моей бывшей женой.

Он вскочил, подбежал к окну и, осторожно отведя занавеску, выглянул на улицу.

– Вот, и сейчас они здесь! – проговорил с чувством глубокой безысходности.

Василий Макарович встал, подошел к окну и взглянул через плечо нервного клиента.

На противоположной стороне улицы стояла большая темно-зеленая машина. В ней определенно кто-то сидел.

– Значит, бывшая жена... – протянул Василий Макарович, вернувшись на место и побарабанив пальцами по столу. – Знакомая история...

Открывая детективное агентство, он надеялся, что придется заниматься серьезными расследованиями. На деле же к нему обращались в основном обманутые мужья и жены (или считающие себя обманутыми) и поручали проследить за своей второй половиной. Попадались и другие дела, столь же малоинтересные, – например, проследить за вороватым сотрудником коммерческой фирмы и поймать его за руку.

Иногда, конечно, случалось и что-то поинтереснее, но чрезвычайно редко.

– Значит, бывшая жена... – повторил частный детектив. – А чего ей от вас нужно, ежели она уже бывшая?

– Вы не представляете, до чего она вредная и ревнивая! – воскликнул клиент, перегнувшись через стол и доверительно понизив голос. – Она хочет помешать моему счастью...

– Счастью? – переспросил Куликов.

У него за годы работы в милиции выработалась привычка повторять фразы собеседников – это давало запас времени, чтобы собраться с мыслями и обдумать ответ.

– Ну да! – воскликнул клиент. – Дело в том, что я встретил женщину своей мечты... Она красавица, человек замечательной души и огромного таланта. Конкретно – Диана поет.

– Моя покойная супруга тоже иногда пела, – проговорил Василий Макарович, и взгляд его затуманился от воспоминаний, – особенно когда готовила. Причем если варила борщ, то пела что-нибудь украинское, например «Рушник», если готовила пельмени, то непременно «Славное море, священный Байкал», а если, к примеру, макарон – так даже «Вернись в Сорренто» вытягивала...

– Вы меня не поняли, – холодно перебил его клиент. – Диана поет профессионально. Она оперная певица, сопрано. В частности, сегодня в театре «Петербург – Опера» на утреннем спектакле она исполняет партию Розины. И я непременно хочу встретить ее, послушать ее пение, подарить ей цветы. А моя бывшая наняла людей, чтобы помешать мне. Так вот, сможете ли вы помочь мне от них отделаться?

– А что? – оживился Василий Макарович. – Театр я уважаю... опять же любовь... Ну ладно, давайте заключать контракт! Позвольте взглянуть на ваш паспорт!

На этих словах клиент засмутился:

– Паспорт? А это обязательно?

– Конечно! – строго проговорил Куликов. – Я же должен знать, с кем имею дело. А вдруг вы не тот, за кого себя выдаете?

– Вы понимаете, у меня паспорт в прописке, я получу его только через три дня, а Диана поет сегодня, и если я ее не увижу, если не выражу ей свое восхищение, не поднесу букет цветов... моя жизнь будет разрушена! Мое счастье в ваших руках! – Мужчина сложил ладони в молитвенном жесте и с надеждой взглянул на детектива.

– Ну, я прямо не знаю... – задумался Куликов. – Такой порядок, что без паспорта нельзя...

Клиент неувлимым движением запустил руку во внутренний карман своего пиджака, и на столе перед Василием Макаровичем появились несколько крупных купюр.

– Ну, может быть, вы все же сделаете для меня исключение? – проговорил он умоляющим голосом. – Вы не подумайте, это только аванс!

– Исключение? – повторил детектив. – Ну да... любовь... судьба... аванс... Ладно, так и быть! Заполним контракт с ваших слов. Но потом вы мне все же занесете паспорт.

– Непременно занесу! – обрадовался клиент.

Куликов положил перед собой стандартный бланк договора и вооружился ручкой.

– Ваше имя, отчество, фамилия?

– Козловский Иван Семенович, – проговорил тот с едва заметным смущением.

– Что-то мне ваше имя знакомо, – пробормотал Василий Макарович, записывая данные. – Вы в городском управлении внутренних дел не служили?

– Не довелось, – ответил клиент странным голосом.

– И в прокуратуре?

– Упаси боже!

– Ну, может, однофамилец... Вот здесь распишитесь, пожалуйста. – Куликов придвинул бланк клиенту.

Покончив с формальностями и убрав аванс в верхний ящик стола, Василий Макарович снова взглянул на клиента.

– Ну что, Иван Семенович, приступим к работе?

– Да, и поскорее, пожалуйста! – Клиент взволнованно потер руки. – Через два часа начинается спектакль!

– Вы когда сюда приехали, «хвоста» за собой не заметили?

– «Хвоста»? – Клиент машинально оглянулся через плечо. – Это в каком смысле?

– В смысле слежки, – пояснил детектив. – Впрочем, о чем я вас спрашиваю... вы же не профессионал, вы и открытое наблюдение не заметили бы. Будем исходить из того, что «хвост» был.

– Ну да, вот же машина их стоит...

Куликов поднялся и вместе с клиентом покинул квартиру.

На лестничной площадке он остановился, перегнулся через перила и заглянул в пролет.

– Здесь вроде никого, – проговорил вполголоса. – Идите за мной и молчите!

Крадучись, стараясь ступать бесшумно, Василий Макарович спустился до первого этажа и здесь позвонил в дверь, на которой красовалась табличка «Ремонт и изготовление ключей».

– Открыто! – донесся из-за двери хриплый голос.

Куликов толкнул дверь и оказался в полутемном помещении, заставленном какими-то ящиками и чемоданами. Посреди этого помещения сидел в инвалидном кресле чернобородый человек лет сорока. Это был Ахмет, инвалид с золотыми руками, который держал мастерскую по ремонту ключей, замков, мелкой бытовой техники и всего остального, что может ломаться.

– Здоров, Макарыч! – приветствовал он частного детектива. – Чего надо? Ключ, что ли, потерял?

– Да нет, Ахмет, разреши нам с человеком через твою кухню выйти. Там к гаражу ближе.

– Проходи, мне не жалко!

Ахмет откатился в сторону, и Василий Макарович, ведя за собой клиента, прошмыгнул через захлавленную мастерскую, открыл неприметную дверь черного хода и вышел в подворотню. Выглянув наружу, он убедился, что поблизости нет никаких подозрительных лиц, и вывел перепуганного клиента во двор.

Дворы Васильевского острова – это отдельная страна, обширная и запутанная, как знаменитый критский лабиринт. Никто, кроме настоящих старожилов, не знает эту удивительную страну, зато тот, кто хорошо с ней знаком, может дворами пересечь весь остров, от Невы до реки Смоленки. Так что сейчас Куликов без проблем провел своего нового клиента дворами к гаражу, где стоял его выдавший виды «жигуленок».

Здесь он еще раз попытался дозвониться до Василисы, но результат, как и прежде, был нулевым.

– Это что – ваша машина? – осведомился клиент, с недоверием оглядев потрепанное чудо российского автопрома.

– А вы не глядите, что она такая неказистая, – проговорил Василий Макарович, любовно поглаживая капот своего автомобиля. – На дороге моя ласточка любому «мерсу» сто очков вперед даст! Если, конечно, не заглохнет...

На этот раз «жигуленок» не подвел своего хозяина, и через полчаса Куликов уже доставил беспокойного клиента на Галерную улицу, где в старинном особняке барона фон Штакен-штукера располагается театр «Петербург – Опера».

До начала спектакля оставалось пятнадцать минут, и перед входом в театр роились немногочисленные зрители. Клиент выглянул из машины и испуганно повернулся к Василию Макаровичу:

– Здесь! Они уже здесь!

Действительно, неподалеку от театра стояла знакомая зеленая машина. На этот раз Куликов разглядел в ее салоне трех человек весьма внушительного роста и спортивного телосложения.

– Что делать, что делать? – забормотал клиент, бросив взгляд на часы. – Спектакль скоро начнется, а они меня внутрь не пропустят...

– Не беспокойтесь! – уверенно проговорил Василий Макарович. – Вы уже сделали самое главное – доверились профессионалу, все дальнейшее я беру на себя!

Он достал с заднего сиденья объемистую сумку, из которой появились на свет более чем странные предметы – грязные лохмотья и сетка-авоська с пустыми бутылками из-под пива. Под удивленным взглядом клиента Куликов натянул на себя эту подозрительную амуницию, и через полминуты из машины вылез самый натуральный бомж.

Новоиспеченный бомж двинулся по улице, оглядываясь по сторонам и бережно неся авоську с бутылками. Поравнявшись с зеленой машиной, он приостановился и наклонился, чтобы подобрать с тротуара бесхозную бутылку и присоединить ее к своим трофеям. При этом он перекрыл обзор людям в машине.

– Ты, рвань болотная, проваливай быстрее! – прикрикнул на него один из пассажиров. – Мотай отсюда, пока не накостыляли!

– А что я сделал?! – обиженно воскликнул «бомж». – Иду себе, никого не трогаю, бутылочки собираю! Понаехали тут, понимаешь, всякие, приличному бомжу прохода не дают!

– Говорят тебе – убирайся! – прошипел недовольный пассажир. – Скажи спасибо, что руки об тебя пачкать неохота!

– Да я что? – забормотал фальшивый бомж. – Я ничего... я уже ушел... меня уже нету...

Однако прежде чем удалиться, он незаметно забросил в салон зеленой машины маленький круглый предмет, отдаленно напоминающий плод лайма или недозрелый мандарин.

Едва «бомж» на несколько шагов отошел от машины, нервный пассажир повел носом, принюхиваясь.

– Мужики, – проговорил он недовольно, – это что – у кого-то такой одеколон ядреный или кто-то из нас в собачье дерьмо вляпался?

– Да это, наверное, от того бомжа на память осталось... – машинально ответил ему водитель, но тут же вздрогнул и позеленел: – Да что же это такое? Тут что – свиноферму рядом открыли?

Маленький зеленоватый предмет, который Василий Макарович незаметно подбросил в салон, был не чем иным, как известной в кругах профессионалов секретной разработкой НИИ сельского хозяйства, так называемой бомбой-вонючкой. Через несколько секунд после того, как ее активизировали, эта бомба начинает испускать такой сногшибательный аромат, который не может без ущерба для психики выдержать ни одно человеческое существо. При испытаниях этой разработки обычные добровольцы выдержали не более трех секунд, а специально приглашенные работники свинофермы и городской канализации сумели продержаться четверть минуты.

Пассажиры зеленой машины выдержали примерно семь секунд. Затем они, громко матерясь и отплеываясь, выскочили на улицу и бросились врассыпную.

Как только они отбежали на значительное расстояние, хитроумный «бомж», крадучись и пригибаясь, вернулся к зеленой машине, извлек из складок своей одежды респиратор, надел его и скользнул в салон.

Покидая машину, водитель оставил ключ зажигания в замке, и Василий Макарович одним движением завел мотор.

В это время к стоянке возле театра подкатил громоздкий черный джип, формой и размерами напоминающий катафалк для особо высокопоставленных покойников. Не успел водитель джипа заглушить двигатель, как стоявшая позади него зеленая машина дернулась вперед и с громким душераздирающим скрежетом врезалась в задний бампер «катафалка».

– Ты что же творишь, сука? – завопил водитель джипа, выскочив из своей машины и бросившись к зеленому автомобилю.

Это был здоровенный детина с широченными плечами и маленькой бритой головой, словно вынырнувший на машине времени из «лихих девяностых».

Пока он выбирался из джипа, ловкий «бомж» уже успел покинуть машину и теперь с самым невинным видом брел по улице, размахивая своей авоськой.

Владелец джипа завертел головой и, увидев жмущихся в сторонке пассажиров зеленой машины, наметанным глазом определил в них виновников аварии.

– Это вы, козлы, мой «гелик» расколошматили? Да вы знаете, вонючки, что я сейчас с вами сделаю?!

Тем временем Василий Макарович вернулся к своей машине, забрался в салон и вполголоса сказал клиенту:

– Ну все, ваши преследователи на какое-то время удалены с поля. Можете идти в театр.

– Спасибо! – пылко воскликнул тот, прижимая руки к сердцу. – Я вам очень, очень признателен!

Тут же на лице его появилось странное выражение, и он удивленно пробормотал:

– Чем это таким пахнет?

Некоторое время спустя в пышном, ярко освещенном зале театра нарядная публика с восторгом слушала, как певица в костюме Розины исполняет свою знаменитую каватину.

– Я так безропотна, так простодушна... – выводила певица.

В первом ряду сидел новый клиент Василия Макаровича Куликова. На коленях у него покоился большой букет роз. Клиент улыбался мечтательной улыбкой.

– И уступаю я, и уступаю я всем и во все-ом... – пела Розина.

Улыбка клиента стала еще шире. Человек, несомненно, испытывал предвкушение еще большего наслаждения.

И когда Розина пропела: «сто разных хитростей, и непременно все будет так, как я хочу», клиент Куликова приподнялся со своего места, вытащил из букета баллончик аэрозоля и изящным жестом выпустил в воздух серебристую струю.

Певица как раз выводила сложную фиоритуру, и тут она пустила петуха, мучительно закашлялась, глаза у нее вылезли на лоб, она покраснела и убежала со сцены, спотыкаясь и держась за горло. Кто-то догадался опустить занавес.

Клиент радостно захохотал, захлопал в ладоши, как довольный ребенок, а через зал к нему уже пробирались трое здоровенных детей спортивного телосложения.

Не знаю, сколько прошло времени. Кажется, я задремала, сидя на пустом поддоне. А когда очнулась, то схватилась за запястье, но вспомнила, что сегодня утром не взяла часы на прогулку с Бонни. Судя по ощущениям, проспала я не больше часа.

В ангаре было тихо. Выглядывать в окно я не собиралась – снова шлепнусь. Бродить в темноте между штабелями тоже чревато – руки-ноги переломает. Я потянулась, поприседала немного, чтобы взбодриться, а потом направилась к двери. И вовремя, потому что услышала шаги и хохоток Степаныча. Он с кем-то разговаривал. Стало быть, не один. Стало быть, мне нужно быть осторожной.

Я схоронилась за ближайшим углом. Дверь отворилась с ужасающим скрипом.

– Проходи, не стесняйся! – В голосе Степаныча звучали солидные нотки. – Сейчас посмотришь мое хозяйство, определим, так сказать, фронт работ... Только тебе сначала нужно передохнуть... Сейчас чайку попьем, у меня печенье домашнее есть...

Вслед за Степанычем в дверь неуверенно протиснулась рослая девица в длинной юбке с воланами. Воланы эти шли ей как корове седло. Кроме юбки, были на ней еще футболка с вампирскими мордами и тапочки на шнурках, размера этак сорок второго.

– Чегой-то темно у тебя как, дяденька... – проговорила девица низким голосом, – не видать ничего...

– А это мы мигом... – снова захохотнул Степаныч и повернул где-то рубильник. Ангар осветился мрачным казенным светом. И при этом слабом свете стало видно, что девица мордой, что называется, не вышла. Зато взяла статью. Ростом она была едва ли не под два метра, руки-ноги крупные, как у мужика, – здорова, в общем. Если ядро толкать станет – далеко то ядро полетит. Выражение лица при этом было у девицы самое мирное, глаза вылуплены, губы пухлые, как у ребенка, волосы заколоты яркой пластмассовой заколкой в виде бабочки.

Степаныч между тем, сыпля слова, как горох из решета, оттеснил девицу от двери, а сам запер эту дверь изнутри на ключ. Мне это не понравилось. Волей-неволей пришлось тащиться за парочкой. Степаныч взял девицу под локоток и толкал в ближайший проход, бормоча что-то про чай и домашние пирожки. В прошлый раз это было печенье. Все врет, значит.

Девица шла неохотно, она все оглядывалась по сторонам, потом застыла на месте.

– Что стоишь? – осмелел Степаныч. – Проходи давай, раз пришла.

Из голоса его исчезли приветливые нотки, теперь уж даже до дуры-девицы все дошло.

– Я, дяденька, пойду, пожалуй... – неуверенно сказала она.

– Куда еще собралась? – Он заступил ей дорогу. – Не бойсь, никто тебя здесь не обидит. Сейчас начальник придет, Егор Иванович, он тебе все обрисует... А пока у меня в каптерке прибереги...

Они скрылись за поворотом, я же напряженно раздумывала, как быть. Если бы Степаныч не запер двери, меня бы уже здесь не было. Хоть замок и хлипкий, дверь-то железная, не так просто ее выломать. Шум непременно поднимется.

Я подошла ближе к каптерке.

– Ты чего, дяденька? – гудела обиженно девица. – Ты руки-то не распускай, я этого не люблю. Грязно у тебя тут, убратся надо.

– Да погоди ты! – с досадой сказал Степаныч. – Ну посиди вот...

Послышалась возня, и в это самое время я услышала шаги с другой стороны, и по проходу мимо меня пронеслась тетка средних лет плотной комплекции. На тетке был красный тренировочный костюм, круто завитые крашенные волосы воинственно топорщились, лицо полыхало огненным румянцем под цвет костюма. Я едва успела скакнуть за ближайший штабель поддонов.

– Ах ты ж паразит! – кричала тетка на бегу. – Ах ты ж козел полорогий! Кобелина бесхвостый!

С разбегу тетка ткнулась в дверь каптерки и забарабанила в нее кулаками. Затем рванула дверь на себя и выдрала крючок с мясом. Ого, сладострастник Степаныч уже и дверь запер!

– Анфисочка, – залебезил его дрожащий голос, – ты как здесь оказалась? Ты зачем пришла?

– Зачем? – зловеще прошипела Анфиса. – В глаза твои поганые плюнуть, вот зачем! Ты мне что говорил? Ты какие клятвы давал, павиан ты поганый? Опять дешевку какую-то привел прямо с вокзала?

– Да это и не то совсем, что ты подумала! – залопотал Степаныч. – Эта девушка зашла насчет работы узнать!

– Работы? – протянула Анфиса, которая, как я поняла, приходилась Степанычу законной супругой. – Это какой же такой работы? Проституткой, что ли, в бордель? Так на ней и так пробы ставить негде!

– Что это вы такое говорите? – от обиды басом сказала девица. – Он сказал, что уборщица требуется... Ой! Что вы делаете?

– Вот тебе работа! – орала тетка. – Узнаешь, как чужих мужей сманивать! Понаехали тут!

Послышался грохот, потом визг, и девица выскочила из каптерки. Волосы стояли дыбом, заколка исчезла, воланы на юбке провисли, полуоторванные.

– Держи ее! – выскочил следом Степаныч. – Она, может, сперла чего!

И повис на девице сзади, как собака на медведе, – как видно, решил объединиться со своей женушкой. И то сказать: та его законная половина, а эту девицу он первый раз видит. Прохиндей такой, в общем. Он мне не понравился с первого взгляда, так что я решила помочь девице. Прихватила доску от поддона и подступила ближе.

– А ну отвали от нее, козел!

– Ты кто? – От удивления Степаныч выпустил девицу. – Ты как здесь? Ты откуда?

– А, так ты здесь сразу с двумя развлекаешься? – Анфиса выскочила из каптерки.

Румянец на лице у нее был и вовсе малиновый.

– В жизни ее не видел! – ответил Степаныч чистую правду.

Но, как всегда бывает, тут-то ему и не поверили.

– Убью! – заорала Анфиса и бросилась на меня с зажатой в руке вилкой.

– Не бойся ножа – бойся вилки, один удар – четыре дырки! – усмехнулась я и взмахнула доской.

Я хотела только нейтрализовать вилку, но Анфиса ловко отпрянула и спряталась за мужа, так что я попала доской Степанычу в лоб. То ли лоб у него оказался крепкий, то ли доска гнилая, но она рассыпалась в прах. Анфиса же совершенно озверела.

– Убили! – заорала она. – Мужа убили!

Когда ясно было, что он даже сознания не потерял. Однако ничего доказывать я не собиралась, Анфиса была в самом боевом настроении. И тут в мозгу сверкнула мысль, что если Анфиса сумела пробраться в ангар, стало быть, у нее есть ключ и в таком состоянии вряд ли она заперла дверь изнутри.

– Бежим! – Я схватила девицу за руку и потянула за собой.

Она не сопротивлялась. Мы свернули в нужный проход, обогнули кучу ящиков и сумели выскочить к двери. О радость! Она была нараспашку. И только было мы собрались вдохнуть воздух свободы, как в дверях возник Степаныч. В руках у него было ружье.

– А ну стоять! – заорал он.

Вспомнил, подлец, что не просто так в ангаре сидит, а ворованные телевизоры охраняет. И что, если с ними что-то случится, Расул ему покажет, где раки зимуют. А тут незнакомые девицы по ангару шастают.

– Стоять, суки! – повторил Степаныч, подходя ближе. – Кто шевельнется – пулю в лоб!

– Тише, тише... – я подняла руки. – Мы ничего не взяли, разойдемся красиво...

– Стреляй! – азартно прошептала Анфиса, появляясь сзади Степаныча. – Стреляй по ним, Витя!

Нет, ну что за женщина, просто маньяк-убийца!

– Уйми ее! – сказала я, отступая тихонько. – Неприятности никому не нужны!

Степаныч медлил: очевидно сообразил, что шум поднимать нельзя. Ему велели тихо сидеть, а тут еще милиция приедет, а у него партия краденых телевизоров.

– Стреляй, уйдут! – взвизгнула Анфиса и схватила за ружье.

– Отойди! – рявкнул Степаныч.

И тут в открытую дверь пронеслось что-то огромное песочного цвета. Это нечто остановилось против супругов и так оглушительно зарычало, что даже у меня затряслись поджилки. Степаныч выронил ружье, его женушка села прямо на пол.

Бонни выглядел впечатляюще. Пасть раскрыта, слюна капает, видны внушительные клыки. Сам весь напряжен, мускулы перекачиваются под кожей.

– Шевели лапами! – крикнула я девице и рванула прочь.

Мы пролетели между домами, мимо скверика и очухались на улице. Девица исправно пыхла сзади.

– Оно... оно за нами бежит, – сказала она, когда я остановилась перевести дух.

– Нормально все, это Бонни! – отмахнулась я. – Не бойся! Тебе куда?

– Не знаю... – Она виновато потупилась. – Я только приехала...

– Зачем пошла с этим уродом? – возмутилась я. – Ведь видно, что жулик и потаскун!

– Он сказал, что уборщица нужна, а я работу ищу... Убирать могу, мыть, чистить... – Голос ее дрогнул.

– Тебе лет сколько?

– Восемнадцать...

Так я и думала. А с виду не скажешь – вон какая орясина вымахала!

– Ладно, пойдем. Вещи у тебя где?

– На вокзале, в камере хранения, – девица шмыгнула носом. – А куда мы пойдем?

Пошли мы на Третью линию, там в кафе работает моя приятельница Мила. Мне нужно было поддержать силы, а заодно, может, она что посоветует насчет девицы. Не бросать же дуреху на улице. Бонни бежал следом и заглядывал мне в глаза с виноватым видом. Я не обращала на него внимания. Пусть помучается.

Девицу звали Люся, она Бонни не боялась и пыталась даже с ним разговаривать, пока я эти попытки решительно не пресекла.

Милка при своей работе повидала всякого, поэтому совершенно не удивилась нашему появлению. Народу в кафе по утреннему времени почти не было, так что мы заняли столик рядом со стойкой, чтобы поговорить.

– Тебя как звать-то? – спросила Милка девуцу, наблюдая, как та уминает третью булочку с маком.

– Люся... – прочавкала та.

– О, тезки! – обрадовалась Милка. – Я ведь тоже Людмила.

– Не, я Люсьена по паспорту, – застенчиво призналась Люська.

Мы с Милкой переглянулись – так примерно и думали. Отвечая на наводящие вопросы, Люсьена рассказала, что жила в маленьком поселке примерно километрах в трехстах от города, что у них там глушь и работы нету. Мать умерла, когда ей было тринадцать лет, отец женился на другой. Мачеха вначале к Люське цеплялась, а потом перестала, потому что свалила на нее всю работу по дому и огороду. Она, Люська, очень работающая, это все признавали.

Все бы ничего, она даже десять классов окончила и устроилась уборщицей в магазин. Платили, правда, мало, но хозяйство большое, все свое, не купленное – и картошка, и огурцы, и ягоды, и еще поросенка держали и кур. И тут к мачехе приехал младший брат погостить. Живет и живет, ничего не делает, ест-пьет, грязь за собой не убирает. Люська все молчала, а как по пьяному делу полез он к ней в постель, она его маленько побила. Ну, скандал, конечно, вышел, мачеха после этого сильно на нее взъелась, обзывала по-разному. А потом наговорила про нее продавщице Тоське, Люську и уволили из магазина. Собрала Люська вещички да и рванула в город, раз дома житья не стало.

– И что с тобой делать? – вздохнула я. – Мила, ведь пропадет она тут! Видишь, этот жук, Степаныч, уже поймал, она и поверила.

– Ладно, у меня судомойка в отпуске, пока пускай работает, а после пристроим куда-нибудь, – сказала Милка. – Бонечка, хочешь ветчины?

– Не давай ему ничего, он наказан! – рявкнула я. – И вот, кстати, где наши капитаны?

Дело в том, что два моих знакомых капитана милиции, Творогов и Бахчинян, каждое утро пьют у Милы кофе. Ашот Бахчинян, как восточный человек, без кофе жить не может и утверждает, что Мила варит кофе, как его покойная бабушка. Что не мешает ему изредка бегать к Таньке на Седьмую линию.

С Лешей Твороговым у нас сложные отношения. Когда-то он пытался за мной ухаживать. Не то чтобы ничего не вышло, но как-то страсть его поутихла. Он даже завел себе девуцу из аптеки. Потом ее бросил и снова вспылал ко мне нежными чувствами. В общем, наш роман подобен синусоиде. На данный момент накал спал. Характер у Леши непростой, может ответить грубо и вообще считает, что место женщины – на кухне. В крайнем случае можно служить бухгалтером, секретаршей или парикмахером. Но ни в коем случае не частным детективом. Это – нонсенс. Надо сказать, что он и шефа моего, Василия Макаровича, за это тоже не любит, хотя дядя Вася неоднократно капитанам помогал.

И сейчас я решила им помочь. Исключительно по доброте душевной, ничего мне от Леши не было нужно. Я набрала его номер и только собралась поговорить, как услышала недовольный рык:

– Чего тебе, Василиса?

– Да вот хотела...

– Некогда мне по ерунде болтать! На работе нахожусь! – И он бросил трубку.

Что ж, такое хамство означает, что у Леши очередные служебные неприятности.

– Ой, ты сейчас лучше не встревай, – спохватилась Мила, – у них магазин ограбили, «Эльдовидео». Говорят, со склада кучу всего вынесли! Бытовой техники и прочего...

– «Эльдовидео», говоришь? – оживилась я. – Это интересно... Ашотик, Василиса беспокоит! Да знаю, что цейтнот, потому и звоню! Это у вас там телевизоров пятьдесят штук украли?

Откуда знаю? Да так, Бонни где-то слышал... Ага, тогда так. Знаешь ангар возле лютеранского кладбища?

Я подробно рассказала, как найти этот ангар и что стережет его один такой прохиндей, а сегодня к вечеру приедут сообщники за теликами. Расул и еще один парень.

– Знаю этого Расула, давно он у меня на примете! – оживился Бахчинян. – Спасибо тебе, Вася...

– Потом благодарить будешь, когда дело закроешь... Алексею пламенный привет!

– Он тебя не стоит! – с чувством сказал Бахчинян.

– Это точно, – со вздохом согласилась я.

Распрошавшись с Милой, мы с Бонни отправились прямо к дяде Васе, потому что получили сообщение: «Срочно ко мне!»

Дядя Вася был в растрепанных чувствах. Сначала он отругал меня, что пропала и на связь не выходила. Но мне удалось свалить все на Бонни. И все равно влетело только мне. Когда же шеф рассказал, в какую он попал историю, мне стоило больших трудов удержаться от смеха.

– Кто ж его знал, что он сумасшедший! – говорил Василий Макарович, подливая чай в большую кружку с ярко-красным петухом. – С виду вполне нормальный человек, вроде нас с тобой... Одет прилично...

– Но-но, дядя Вася! – одернула я его. – Про себя вы можете что угодно говорить, а меня попрошу не сравнивать с этим маньяком! Помните, что вам про него тот врач говорил?

Дядя Вася успел уже и с врачом побеседовать.

– Ну да... В остальном-то он нормальный, или почти нормальный, только на оперных певцах заикнулся...

– Не на любых певцах, – поправила я своего незадачливого шефа, – а только на тех, которые исполняют каватину Розины из «Севильского цирюльника»!

Врач, с которым пришлось побеседовать Василию Макаровичу после скандала в театре, рассказал, что злополучный клиент нашего агентства вырос в богатой и образованной семье. Правда, отец его погиб при весьма странных и подозрительных обстоятельствах, когда мальчику не было еще трех лет, и это, возможно, нанесло непоправимый вред неустойчивой психике ребенка.

Мать его вскоре снова вышла замуж за еще более состоятельного человека. Она была довольно известной оперной певицей. Особенно часто она исполняла роль Розины, и с детства наш клиент едва ли не каждый день слышал эту знаменитую каватину.

«Я так безропотна и простодушна...» – выводила его мамаша, пока няня подкладывала ребенку кашу из четырех злаков или поправляла нагрудник. «И уступаю я, и уступаю я всем и во всем, всем и во всем...» – пела она, пока гувернантка завязывала на его шее шарф, перед тем как отправиться на прогулку.

И как только наш будущий клиент начал сознавать свои желания, главным его желанием стало заставить ее заткнуться, поперхнуться этой арией, пустить петуха.

Но с матерью этот номер не прошел, он ее попросту боялся, и тогда желание, загнанное в глубину подсознания, расцвело пышным цветом и сделало нашего будущего клиента невменяемым.

Он узнавал, где будет исполняться «Севильский цирюльник», приходил в театр и любым доступным способом срывал исполнение каватины Розины. Распылял в зале слезоточивый газ или выпускал на сцену дрессированную крысу, устраивал короткое замыкание или закидывал за декольте певицы гигантского африканского паука...

Некоторые исполнительницы отделялись ларингитом или легким нервным расстройством, но у одной из них начались судороги, а другая полностью потеряла голос и вынуждена была переквалифицироваться в депутаты.

– Маньяки, они очень изобретательны! – печально сообщил доктор.

Отчим нашего клиента, как уже сказано, был человек очень влиятельный и богатый. Когда скандалы, которые регулярно устраивал его наследник, переполнили чашу его терпения и начали уже серьезно угрожать интересам бизнеса, он поместил молодого человека в частный сумасшедший дом.

– Это очень хорошее, дорогое учреждение, – сообщил доктор, хотя его никто об этом не спрашивал. – У наших пациентов есть все, в чем может нуждаться человек, им обеспечен самый лучший уход...

Единственное, чего не было в этом сумасшедшем доме, – оперного театра, и поэтому наш клиент не мог осуществить свое самое заветное желание.

В конце концов ему удалось сбежать, подкупив то ли повара, то ли садовника, то ли еще кого-то из обслуживающего персонала. Сотрудники клиники отправили на поиски группу опытных санитаров. Те попытались выйти на след беглеца, но тут, как назло, вмешался дядя Вася и помог клиенту оторваться от преследования.

Санитары изучили репертуар городских театров и выяснили, что как раз в этот день «Севильский цирюльник» идет на сцене театра «Петербург – Опера». Здесь они и устроили засаду, чтобы перехватить своего пациента... Но в дело опять вмешался дядя Вася, и маньяк сумел довести свою операцию до конца.

– Скажите спасибо, что на вас не подали в суд! – припечатала я, взяв из вазочки еще одну конфету.

– Ну да, я же пытался до тебя дозвониться, хотел, чтобы ты посмотрела на этого «Козловского», а у тебя, как назло, телефон не работал...

– Я из-за этого негодя сидела в железном гараже, – я пнула ногой Бонни, но тот сделал вид, что все это его не касается. – И там не было приема... Пойдите, какой Козловский?

– Как – какой? Этого психа – нашего, с позволения сказать, клиента – зовут Иван Семенович Козловский...

– Дядя Вася! – проговорила я, отсмеявшись. – Иван Семенович Козловский был знаменитый оперный певец, но он уже давно умер!

– Как – умер? – удивился шеф. – Я же его своими глазами видел! Вот на этом самом месте...

– Ага! Развел он вас как ребенка! Вы паспорт его видели?

– Нет, – честно признался дядя Вася. – Он сказал, что паспорт в прописке...

– Ага, в прописке! – Я усмехнулась. – Дядя Вася, ну когда вы наконец повзрослеете?

– Ох, не говори! – пригорюнился шеф. – Доверчивость – главный мой недостаток!

– Удивительный недостаток для мента с тридцатилетним стажем! – подвела я итог дискуссии.

Но мой шеф никак не мог оставить за мной последнее слово.

– И потом, – добавил он, – ты же знаешь, у нас давно не было клиентов, дела идут очень плохо, поэтому я и ухватился за первую попавшуюся работу...

И в это время в дверь позвонили.

Мы с шефом переглянулись. Бонни поднял голову и негромко рыкнул.

– Ну что, откроешь? – с надеждой в голосе спросил дядя Вася.

– А что делать? – Я отставила недопитую чашку, встала и отправилась в прихожую.

Прежде чем открыть дверь, я заглянула в глазок.

На площадке перед дверью стояла женщина. Больше о ней ничего сказать было нельзя, потому что линза дверного глазка изменила внешность до неузнаваемости: голова незнакомки казалась огромной, как у головастика, глаза – круглыми и выпуклыми, как у взрослой лягушки, а ножки, наоборот, крошечными, как у комнатной собачки или персонажа детского мультфильма.

– Ну, разглядели? Открывайте, я вас слышу! – раздался из-за двери недовольный голос. Я вздохнула и открыла дверь.

При ближайшем рассмотрении незнакомка оказалась вовсе не такой уродиной, какой сделала ее оптика. Вполне себе симпатичная молодая женщина, на вид лет тридцати пяти, скромно, но со вкусом одетая – узкие черные джинсы, курточка из мягкой кожи.

– Здравствуйте... – проговорила я, преодолев неловкость. – Вы к кому?

– К частному детективу Кулакову, – ответила женщина. – Я договаривалась по телефону. Вот как. Дядя Вася, оказывается, успел с ней договориться, а меня не поставил в известность!

– К Куликову, – поправила я ее. – Пойдемте, Василий Макарович вас примет.

Я проводила ее в кабинет, показала на гостевое кресло и скромно села в уголке, решив, что поговорю с шефом позднее.

Дядя Вася, следуя вычитанным где-то рекомендациям, сосредоточенно писал что-то в своем блокноте и сделал вид, что не сразу заметил посетительницу – мол, ужасно занят. Тогда я деликатно кашлянула и проговорила тоном отлично выдрессированной секретарши:

– Василий Макарович, к вам посетитель.

Он отложил ручку, поднял глаза на незнакомку и голосом крайне занятого человека проговорил:

– Здравствуйте. Слушаю вас.

– Я хочу вас нанять, – заявила женщина без лишних предисловий и достала из сумки бумажник.

– Одну минуточку, – дядя Вася покосился на меня. – Давайте сначала познакомимся. Я – частный детектив, моя фамилия Куликов...

– А моя фамилия – Русланова, – представилась в ответ посетительница.

Мы с дядей Васей выразительно переглянулись.

– Случайно не Лидия Андреевна? – уточнила я не без ехидства.

– Валенки, валенки... – вполголоса запел дядя Вася.

– Нет, не Лидия Андреевна! – возразила женщина. – Вовсе даже Екатерина Васильевна. А что, собственно, вы имеете против моей фамилии?

– Да ничего, – замялась я. – Просто у нас недавно был неприятный инцидент с клиентом по фамилии Козловский.

– Короче, можно взглянуть на ваш паспорт? – перебил меня Василий Макарович.

– Да, пожалуйста! – Она небрежно бросила на стол документ в кожаной обложке.

Дядя Вася внимательно его изучил, потом передал мне.

Действительно, фамилия посетительницы была Русланова. Впрочем, фамилия как фамилия, ничего особенного.

– Ну и чем мы можем вам помочь, Екатерина Васильевна? – осведомился дядя Вася.

До сих пор Екатерина держалась уверенно, но тут она вдруг опустила глаза и закусила губу, как будто ей было трудно ответить на такой простой вопрос.

– Можете называть меня просто по имени... – сказала она и замолчала. Может, ждала, что мы ужасно обрадуемся и предложим ей выпить на брудершафт. Честно говоря, мне хотелось поскорее от этой посетительницы избавиться, оставить Бонни дяде Васе и уйти домой, чтобы отдохнуть от перенесенного стресса.

– Понимаете, – начала она после довольно длительной паузы, – я переехала в Петербург совсем недавно...

За время работы нашего детективного агентства мы с дядей Васей усвоили простое правило: клиента не нужно торопить. Нужно дать ему возможность высказаться, тогда он более внятно и подробно обрисует свою ситуацию. Поэтому мы приготовились слушать клиентку, не перебивая и не задавая наводящих вопросов.

– Раньше я жила в Новгороде, но последний год работала в крупной питерской фирме...
– В новгородском филиале? – уточнил все же дядя Вася, нарушив плавное течение рассказа.

– Нет, не в филиале, – возразила Екатерина. – Дело в том, что я – программист, специалист по базам данных, и до какого-то времени могла работать удаленно, не покидая свой город и свою квартиру, связываясь с фирмой через Интернет.

– До какого-то времени? – ухватился дядя Вася за ее слова. – До какого именно?

– В этом году совпали два события: во-первых, умерла моя мама, – на лицо клиентки набежала тень, видно было, что она все еще страдает. – А во-вторых, меня повысили. Теперь я стала не просто программистом, а руководителем серьезного проекта, и для успешной работы нужно было переехать в Петербург. Дома меня больше ничего не удерживало, я продала квартиру и приехала сюда.

Мы молчали, ожидая продолжения. Катя сделала паузу, вздохнула и снова заговорила:

– Здесь я купила квартиру.

– Неужели хватило денег, которые вы получили за свое новгородское жилье? – осведомился дядя Вася.

Клиентка быстро взглянула на него и проговорила:

– Ну, пришлось доплатить, у меня были кое-какие сбережения, но, в общем, не так и много. Я и сама сначала удивилась – квартира оказалась очень приличная, в старом фонде, и недорогая. Риелтор, с которой я имела дело, торопила меня – мол, такой удачный вариант нечасто попадается...

– Ну, ясно! – вздохнул дядя Вася. – Квартира оказалась с обременением, там прописаны старенькая бабушка и племянник-инвалид... Но такими делами, дамочка, мы не занимаемся, это вам нужно к юристу, и то вряд ли что получится!..

– Вы сначала дослушайте меня! – раздраженно перебила его Екатерина. – Никаких бабушек и племянников там не было, перед заключением договора я все внимательно проверила, просмотрела все документы, с этой стороны все чисто...

– Тогда в чем же дело?

– Дело в том... – клиентка перегнулась через стол и понизила голос, – дело в том, что в этой квартире что-то неладно... Нехорошая, одним словом, квартира!

– Что вы имеете в виду? – настороженно осведомился дядя Вася.

Я тоже напряглась: неужели к нам снова заявила ненормальная? Мало нам истории с фальшивым Козловским... Правда, с виду Екатерина Русланова производила впечатление толковой и здравомыслящей женщины, но внешность бывает обманчивой! Попался же дядя Вася на удочку того оперного психа! Хотя если бы я была рядом, то мигом бы его раскрыла. Это же надо так обнаглеть – представляться Иваном Семеновичем Козловским!

– Все же что вы имеете в виду? – повторил Василий Макарович, потому что клиентка мрачно молчала.

По виду своего шефа я поняла, что мы с ним мыслим созвучно, он эту госпожу Русланову тоже подозревает. Тем более что пока ничего конкретного она нам не сказала.

– Сначала – запах... – продолжила она наконец. – Через несколько дней после переезда я вернулась с работы и почувствовала в квартире незнакомый резкий запах – какой-то дешевый мужской одеколон. Я подумала, этот запах занесло по вентиляции от соседей, как следует проветрила комнату и забыла. Но на следующий день запах снова вернулся, а кроме того... кроме того, извините, в туалете было поднято сиденье унитаза.

– Что?! – удивленно переспросил дядя Вася и выразительно взглянул на меня – мол, похоже, опять нам не повезло с клиентом.

– Что, я непонятно выразилась? – раздраженно проговорила Екатерина. – Позвольте поясню. Я в Новгороде какое-то время жила с одним мужчиной. То есть я была замужем. Так

вот, через год меня все в нем стало раздражать: то, что он всюду разбрасывал грязные носки, заставлял раковину посудой, а самое неприятное – никогда не опускал сиденье унитаза. Мы разошлись и даже перестали встречаться. Так вот, это кажется мелочью, но я никогда не поднимаю это чертово сиденье! Никогда, понятно? А тут оно было поднято!

Я внимательно наблюдала за Руслановой. Очень странная женщина – то горячится, размахивает руками, то успокаивается и ведет себя вполне прилично... Взглянув на дядю Васю, заметила в его глазах такое же недоверие. Что ни говори, а нервы у дамы не в порядке.

Клиентка перехватила наши взгляды и понизила голос:

– Извините, вам, наверное, кажется, что я ненормальная? Мне и самой иногда так начинает казаться. Поэтому я и обратилась к вам, а не в милицию. Там меня и слушать не станут.

– Но согласитесь, – осторожно проговорил дядя Вася, – то, что вы рассказали, еще не повод для беспокойства...

– А я еще ничего не рассказала, – возразила Екатерина неожиданно спокойным голосом. – Послушайте, что было дальше. На следующий день с унитазом все было в порядке, и даже запах одеколона выветрился. Я было успокоилась, пока не собралась ужинать. Тут я обнаружила, что исчезла одна из моих любимых кружек. Их вообще-то две, совершенно одинаковые. Я купила их еще в Новгороде, в «Икее», и пользовалась по очереди. А тут одна была на месте, а вторая бесследно исчезла...

– Ну, возможно, вы просто куда-то ее засунули и забыли... – пробормотал дядя Вася.

Катя взглянула на него раздраженно и процедила сквозь зубы:

– Куда можно засунуть кружку? Это все же не иголка и не пакетик от чая!

– Ну, допустим, отнесли ее в ванную, чтобы почистить зубы, и оставили там...

Клиентка взглянула на него недоуменно:

– В ванную? Я никогда не использую для этого чайные кружки! Для чистки зубов у меня есть отдельный стакан!

Я малость расслабилась, потому что характер клиентки стал мне ясен. Одинокая женщина, педантичная, сама себе установила кучу правил и усердно их исполняет. В доме навела идеальный порядок, никогда его не нарушает. Чашки-плошки все выставлены по ранжиру, небось и ручки в одну сторону не ленится повернуть. При таком раскладе понятное дело, что сразу заметишь отсутствие чашки.

Может, вы думаете, я злопыхаю? Ведь я сама вроде бы сейчас одинокая женщина. Ага, попробуйте поддерживать в квартире хотя бы относительный порядок, когда в ней находится этот бегемот! Мало того что он всюду разбрасывает свои игрушки, грызет мебель, ломает стулья, пачкает обивку и бьется головой обо все двери, когда остается один. Он еще бьет посуду, сдергивает со стола скатерть, жует покрывало и рвет в клочья все домашние тапочки. Да я не то что пропажу чашки, пианино вынесут – и то не замечу! Правда, у меня нет пианино...

Екатерина между тем снова взяла себя в руки и понизила голос:

– Впрочем, вы правы, я не стала бы придавать этому такого большого значения, если бы на следующий день эта кружка не появилась на прежнем месте...

– Вот видите, она же появилась... – примирительным тоном вставил Василий Макарович.

– Да, появилась! – язвительно ответила клиентка. – Только это была *не та* кружка!

– Что значит – не та? – растерялся мой шеф.

– А то и значит! Своей кружкой я уже давно пользовалась, на ней были царапинки, щербинки, внутри – темные следы от чая, а эта кружка – эта кружка совершенно новая!

– Ну, может, вы ее как следует отмыли...

Екатерина фыркнула, взглянула на меня и едва слышно пробормотала:

– Ох уж эти мужчины!

Затем свысока взглянула на дядю Васю и осведомилась:

– Вы вообще-то посуду сами моете?

На этот раз мой шеф не выдержал:

– А как вы думаете? Жена у меня давно умерла, я не барин какой-нибудь, прислуги у меня нет... Конечно, сам! И нечего так на меня смотреть!

– Ну, извините! – смягчилась клиентка. – Просто, если вы сами моете посуду, должны понимать, что как ее ни мой – старая кружка не станет как новая. Да и вообще, убедитесь сами... – Она вытащила из сумки светло-коричневую фарфоровую кружку и поставила на стол.

Дядя Вася взял кружку в руку, с интересом повертел:

– Да, вроде как новая...

– Вы снизу взгляните!

Василий Макарович перевернул кружку вверх дном. Я заглянула через его плечо, и мы увидели приклеенную на дне бумажную этикетку со штрихкодом.

– Как вы думаете, сохранится этикетка через год интенсивного использования?

– Наверное, нет... – неуверенно согласился дядя Вася.

– Наверное! – передразнила его клиентка. – А я думаю – ни в коем случае не сохранится...

Она помолчала несколько секунд и продолжила:

– После этого случая я решила поменять замки.

– Да, это нужно было сделать сразу! – оживился дядя Вася.

– Ну, разумеется, я врезала новые замки, когда въехала в эту квартиру! Но теперь решила их еще раз поменять. Пригласила мастера из хорошей фирмы, он поставил мне самые надежные замки...

– И что? – переспросил дядя Вася с нескрываемым интересом.

– И ничего! Все продолжилось по прежней схеме! Запах дешевого одеколона, следы присутствия посторонних людей в квартире!

Клиентка немного помолчала.

– У меня в прихожей стоит такой пуфик, на который я ставлю сумку, когда прихожу домой. Так вот, буквально на следующий день после замены замков я вернулась с работы, не включая свет поставила сумку на этот пуфик... то есть только хотела ее поставить. Но сумка вместо этого упала на пол. Я включила свет в прихожей и увидела, что пуфик стоит не на том месте, где я его оставила!

– Может быть, вы его случайно сдвинули... – предположил дядя Вася.

На этот раз клиентка не удостоила его ответом. Она продолжила:

– Я решила проверить свои ощущения и теперь уже специально оставила несколько «ловушек». Положила тапочки перед самой дверью, поставила на кухонный стол чашку в определенном месте, под дверь ванной подложила бумажку. Так вот, как раз бумажка осталась на прежнем месте, а тапочки и чашка были немного сдвинуты.

– Вы хотите сказать, что в прихожей и на кухне кто-то побывал, а в ванную этот кто-то не зашел? – догадался дядя Вася.

– Нет, я хочу сказать, что фокус с бумажкой слишком известный, и тот, кто побывал в моей квартире, положил эту бумажку на прежнее место. Только положил ее не так, как я оставила, он ее перевернул!

Я не знала, что и думать. Вроде бы толково все она излагает. С другой стороны, у сумасшедших очень развита фантазия... Дядя Вася тоже как будто пребывал в недоумении.

– Ну, не знаю... – протянул он. – Если все обстоит так, как вы рассказываете...

– Все обстоит именно так! – перебила его клиентка. – Но я еще не закончила. Когда не помогла смена замков, я решила использовать свои профессиональные навыки. А именно – установила в квартире несколько миниатюрных видеокамер, чтобы записать того, кто приходит в мое отсутствие...

– Ну и как? – оживился дядя Вася.

Он вообще очень уважает всякие технические новинки.

– На записи ничего не было! – воскликнула Екатерина. – Никаких незваных гостей!

– Ну вот видите, – дядя Вася развел руками, – значит, это все, извиняюсь, плод вашего воображения!

– Я тоже сначала так подумала! – мрачно проговорила клиентка. – Но потом внимательно пересмотрела запись и кое-что заметила...

Она огляделась по сторонам:

– У вас есть компьютер?

– А как же! – Дядя Вася выдвинул ящик стола и гордо достал оттуда новенький ноутбук.

Екатерина придвинула его к себе, включила и вставила флэшку. Как только система загрузилась, на экране возникла картинка: обыкновенная, просто обставленная комната, стол с компьютером и какими-то бумагами, на краю его – ваза из матового стекла, в ней – букет крупных бледно-сиреневых роз.

– Ну и что здесь такого особенного? – осведомился дядя Вася, убедившись, что на картинке ничего не меняется.

– Видите букет? – спросила Катя. – Мне его подарили на работе, за два дня до того у меня был день рождения.

– Хорошие розы, – одобрила я. – Сорт «голубая луна».

Дело в том, что я люблю цветы и хорошо в них разбираюсь. Когда-то у меня был свой собственный сад, в котором я проводила лучшие часы своей жизни. Но это было давно, в другой жизни. Тогда у меня много чего имелось – муж, загородный дом...

– Не знаю, как они называются, – отмахнулась Катя, – только подарили мне семь штук, а уже на второй день две из них завяли.

– Ну ясно, – вставила я со знанием дела. – Наверняка ваши сослуживцы купили готовый букет. А в цветочных магазинах в готовые букеты всегда норовят подсунуть два-три цветка из прежней партии, вот они и вянут раньше остальных...

– Может быть, вы не будете меня перебивать? – проворчала клиентка. – Так я, возможно, дойду наконец до сути!

– Извините... – смутилась я. – Значит, вам подарили семь роз, две из них завяли...

– Ну да. И я, естественно, вечером их выбросила...

– Но здесь же семь роз! – пересчитала я цветы, склонившись над экраном.

– Сколько? – Дядя Вася придвинулся поближе и тоже посчитал. – Ну да, семь... Ничего не понимаю!

– А по-моему, как раз все понятно! – самоуверенно проговорила Екатерина. – Тот, кто побывал в моей квартире, подменил запись на вчерашнюю, когда роз было еще семь. Он оказался достаточно ловким, чтобы обнаружить камеру и заменить запись, но вот пересчитать розы не сообразил!

– Вы говорите «он», – отметил дядя Вася, – то есть вы считаете, что это один человек, и мужчина?

– Да нет, это я так, для простоты. Может быть, это «они» или «она». Или даже «оно».

– Итак, чего же вы хотите от нас? – осведомился Василий Макарович.

– Чтобы вы разобрались в этой истории! Чтобы наконец выяснили, кто посещает мою квартиру в мое отсутствие, чего ему – или ей, или им – от меня надо! В конце концов я хочу спокойно жить в этой квартире! Я ее не для того купила, чтобы дергаться от каждого шороха!

Она чуть не на крик перешла, руки тряслись, на щеках выступили пятна нервного румянца. Мы с дядей Васей переглянулись: вот ведь, опять неадекватная клиентка попалась!

Екатерина почувствовала наши неодобрительные взгляды и взяла себя в руки. Понизив голос, она закончила:

– Ну так как – беретесь за мое дело?

Откровенно говоря, мне все это очень не нравилось. Какая-то она нервная, дерганая... Постоянные перепады настроения – то кричит и волнуется, то ведет себя как нормальный человек. Может быть, вся эта история с таинственными посетителями – плод ее большого воображения? Тем более что мы только что нарвались на неприятности с липовым Козловским...

– А может, вам просто поставить квартиру на сигнализацию? – осторожно предложила я. – И дешевле будет, и проще...

Но тут мне нанесли удар оттуда, откуда я не ждала. Дядя Вася привстал из-за стола и проговорил:

– Да не будет никакого проку от этой сигнализации! Если эти люди самые лучшие замки на раз вскрыли, если они сумели в камере запись подменить – это люди серьезные, для них обычная сигнализация не преграда, они с ней в два счета разберутся!

Я сделала страшные глаза, попыталась подать шефу сигнал, но он все мои знаки демонстративно игнорировал.

– Василий Макарович! – произнесла я со значением. – Хочу напомнить вам о нашем предыдущем деле...

– Да все я помню! – отмахнулся шеф. – Предыдущее – оно и есть предыдущее, а мы человеку должны помочь!

– Значит, беретесь? – уточнила Екатерина с заметным облегчением.

– Беремся! – Дядя Вася ударил кулаком по столу, как будто печать поставил, и достал из ящика типовой бланк договора. – Вот тут подпишите и вот тут...

Екатерина подписала где нужно, отсчитала аванс и удовлетворенно откинулась на спинку кресла. Дядя Вася спрятал договор и, сложив перед собой руки, проговорил:

– А теперь скажите мне, Екатерина Васильевна, что в вашей квартире может заинтересовать злоумышленников?

– Понятия не имею! – клиентка пожалала плечами.

Теперь, когда мы заключили с ней официальный договор с подписями и печатями, она выглядела куда увереннее.

– Я так понимаю, что больших денег или других ценностей вы в квартире не храните?

– Да у меня их и нет. Все деньги, которые у меня были, – и за проданную новгородскую квартиру, и накопления – я вложила в эту самую квартиру. Так что сейчас живу почти от зарплаты до зарплаты. Ну, на оплату ваших услуг у меня хватит, – добавила она, заметив сомнение в глазах дяди Васи.

– Да, ради такой незначительной суммы серьезные люди не станут заморачиваться! – пробормотал мой шеф, побарабанив пальцами по столу.

– Тем более что и эти деньги у меня на банковском счету!

– Ясно... – протянул дядя Вася. – А что вы знаете о тех людях, которые жили в этой квартире до вас?

– Ничего, – ответила клиентка, не задумываясь.

– То есть как это – ничего? – удивился шеф. – Ведь вы должны были с ними контактировать, когда покупали квартиру?

– Представьте себе – нет! – ответила Екатерина. – Я имела дело только с женщиной-риелтором, у которой была генеральная доверенность на ведение всех дел. Она и документы все подписывала по доверенности, и к нотариусу со мной ходила... Единственное, что я знаю про бывших владельцев, – их имена: Татьяна и Сергей Капустины. Эти имена были указаны в доверенности.

– Как же так получилось? – поинтересовался дядя Вася.

– Риелторша мне сказала, хозяева в отъезде, за границей, и оставили ей поручение и доверенность. Мне, честно говоря, некогда было вдаваться во все эти детали, для меня важно

было, что квартира хорошая, цена приемлемая и документы в порядке, – а кто бывшие хозяева и где они находятся, меня мало волновало...

Она помолчала несколько секунд и продолжила другим тоном, мрачным и озабоченным:

– Впрочем, когда начались эти странности с квартирой, я подумала о том же, что и вы, – что это как-то связано с прежними владельцами. И позвонила риелторше – выяснить, кто они были, чем занимались, почему уехали за рубеж.

– Ну и что она сказала? – спросил дядя Вася, не дождавшись продолжения.

– Ничего! – Екатерина развела руками.

– То есть как это – ничего?

– Мне не удалось до нее дозвониться. Мобильный телефон, который она мне дала, не отвечал.

– Вот как! – Дядя Вася снова побарабанил пальцами по столу. Возможно, такое звуковое сопровождение стимулировало его умственную деятельность. – А что, кроме этого мобильного телефона, у вас ничего нет? Согласитесь, это как-то странно...

– Да нет, есть, конечно. – Екатерина порылась в сумке и выложила на стол белый с золотом прямоугольник визитной карточки. – Я ведь с ней столкнулась в крупном агентстве недвижимости, куда пришла, чтобы подыскать себе квартиру. Там мне ничего хорошего по моим деньгам не предложили, но тут появилась она, Нина Петровна, отвела в сторонку и сказала, что у нее есть подходящий вариант. Она объяснила мне, что все агенты придерживают лучшие варианты, чтобы продать их помимо фирмы, на свой страх и риск. Мол, фирма берет себе очень большие проценты, а так – и мне лучше, не придется переплачивать, и ей ни с кем не нужно делиться...

Дядя Вася придвинул к себе визитку.

На картонке был отпечатан логотип известного риелторского агентства, а ниже, более мелким шрифтом, – «Баранкина Нина Петровна, специалист по недвижимости».

– А в это агентство вы не стали обращаться? – осведомился Василий Макарович.

– А смысл? – Екатерина пожала плечами. – Ведь это был ее личный вариант, так что в фирме о прежних хозяевах квартиры наверняка ничего не знают.

– Но там вам хотя бы могли помочь найти эту Нину Петровну!

– Ну вот вы этим и займитесь! Я с вами заключила договор, так что вам, как говорится, и карты в руки!

После этого она сказала, что спешит на работу, и удалилась, на прощание присовокупив, чтобы мы не тянули резину и поскорее приступали к заданию.

– Даром деньги с клиентов мы не берем! – обиделся дядя Вася.

После ухода клиентки мы с дядей Васей несколько минут просидели молча. Наконец я не выдержала и нарушила молчание:

– Дядя Вася, я же вам сигналила! Не нравится мне эта история! И клиентка не нравится – нервная она какая-то!

– Мне и самому не очень нравится! – ответил он, поморщившись. – А что делать? Ты вот это видела? – И он бросил передо мной на стол несколько платежек.

Разумеется, я их видела – ведь не кто иной, как я, выполняет в нашем скромном агентстве обязанности главного бухгалтера. Это были уведомления о налоговых платежах за первое полугодие, и внести эти платежи нужно было в десятидневный срок. В противном случае нам грозили серьезные штрафные санкции.

– А ты говоришь – клиентка не нравится! – протянул Василий Макарович. – Кстати, на мой взгляд, она нормальная женщина. И даже толковая. Вон как здорово насчет букета сообразила! Опять же в технике неплохо разбирается. Видеокамеру сумела установить. А что

нервная... Ты бы, тетка, тоже нервничала, если бы к тебе в квартиру неизвестно кто в твое отсутствие приходил!

Тут я вынуждена была с ним согласиться.

– Ну и что мы теперь будем делать?

– Ну что делать? Не в засаде же у нее в квартире сидеть. Во-первых, люди опытные могут заметить, кто там входит-выходит. А во-вторых, клиентке тоже не нужно, чтобы у нее в квартире посторонний человек все время торчал. Человек на ответственной работе, ей дома покоя хочется, тишины...

– Все ясно, мы пойдем другим путем... – усмехнулась я.

– Точно! Я поеду в агентство недвижимости, наведу там справки насчет этой Нины Петровны Баранкиной, а ты съезди в дом клиентки и попытайся там что-нибудь разведать – с дворником поговори, с соседями, ну, что я тебя учу, ты девочка большая...

Спорить с таким разделением труда я не стала, хотя себе дядя Вася, как всегда, наметил более легкий фронт работ. В конце концов он начальник, значит, его слово – закон. Единственное, что я себе позволила, – это чисто технический вопрос.

– В каком качестве мне выступать? Изображать родственницу бывших жильцов, приехавшую к ним из провинции?

– Не советую. Можешь проколоться на деталях. Родственница должна про них хоть что-то знать, а ты ровным счетом ничего не знаешь, кроме имен...

– Бывает, что и родственники ничего друг о друге не знают, – проговорила я, чтобы оставить за собой последнее слово. На самом деле я понимала: на этот раз шеф прав.

– Ну так какую же выбрать легенду? – вслух задумалась я.

– Сама думай, – отмахнулся шеф, – ты же профессионал...

Ага, теперь он меня считает профессионалом! А когда дело доходит до обсуждения серьезных операций, не принимает мое мнение всерьез!

Я задумалась над легендой – и тут мне на глаза попались налоговые платежки. Идея созрела моментально.

Я села к компьютеру и в пять минут напечатала несколько похожих бумажек, только построже – чтобы в глаза бросались слова «штрафные санкции» и «постановление суда». Бумаги выглядели вполне официально, не хватало только печатей. Но тут у нас с дядей Васей имелся отработанный механизм: специально для таких случаев мы приобрели наборный штамп, на котором можно было установить любое название организации – от прокуратуры до общества охраны китов и кашалотов.

Я достала штамп из ящика и шлепнула его на одну из бумажек – проверить, что там набрано.

На листке появился неожиданный текст: «Органы грудной клетки в норме».

– Дядя Вася, что это такое? – Я показала шефу на странный оттиск. – Вы что, в свободное от работы время занимаетесь частной медицинской практикой?

Он заметно смутился.

– Да понимаешь, тетка, одному моему знакомому мальчику понадобилась справка о флюорографии. В кружке требовали, а он сходить не успевал...

– Мальчику? – удивилась я. – С каких это пор у вас появились знакомые мальчики? Что-то вы, Василий Макарович, темните!

– Ну, это племянник одного моего знакомого... то есть знакомой... – Он окончательно запутался в показаниях и смущенно уставился в стол.

– Ах вы, старый ловелас! – рассмеялась я. – Это что, племянник той... гм... полной немолодой блондинки из двенадцатой квартиры? Всегда подозревала, что вы донжуан!

– Ну почему старый?! – возмутился он. – И не такая уж она полная... И что значит – немолодая? Маргарита Николаевна только-только на пенсию вышла...

– То-то она при встрече не здоровается и на меня волком смотрит! – веселилась я. – Наверное, думает, что мы с вами находимся в преступной связи!

– Уж ты скажешь, – надулся дядя Вася, – ничего такого...

– Ладно, это меня не касается! – отмахнулась я. – Лучше помогите мне набрать на штампе нужный текст, у вас это хорошо получается.

Как уже говорилось, дядя Вася в свободное от работы время мастерил модели бронетехники. Благодаря этому хобби он очень хорошо управлялся с мелкими работами, и через десять минут на всех моих липовых бумажках красовался лиловый штамп: «Служба судебных приставов Василеостровского района».

Я рассудила, что эта организация, с одной стороны, достаточно серьезная, чтобы внушить почтение обывателям, а с другой – довольно новая, и никто толком не знает, чем она занимается.

Для большей убедительности я помяла все бумажки и удовлетворилась достигнутым результатом.

Теперь нужно заскочить ненадолго домой, чтобы подобрать соответствующий прикид.

– Этого негодяя оставляю здесь! – категорически сказала я. – Видеть его не могу! И не кормите его, он наказан.

– Хм, – дядя Вася отвел глаза, и я опомнилась.

Можно себе представить, во что превратит его квартиру голодный Бонни!

– Делайте что хотите! – рассердилась я и ушла.

Дома я быстренько перебрала одежду и остановилась на сером официальном костюме, который приобрела давно по настоянию свекрови. Она говорила, что такой костюм должен быть в гардеробе каждой приличной женщины – для разных официальных мероприятий.

Права оказалась свекровь, костюм пригодился для развода, в суд его надевала. Одна беда – костюм был дорогой, так что я повязала легкомысленный шелковый платочек и надела совершенно не подходящие к нему коричневые туфли на среднем каблуке. Волосы зачесала гладко, губы едва тронула помадой – сойдет. Ну, еще тени голубые на глаза. Сейчас так никто не носит, но зато это здорово меняет лицо.

Через четверть часа я остановилась около того дома, где проживала наша новая клиентка и который в ближайшее время должен был стать местом нашего расследования. Дом этот располагался совсем недалеко, на Третьей линии Васильевского острова, так что мне даже не пришлось воспользоваться транспортом.

Дом был красивый, дореволюционной постройки и отлично отремонтированный. Единственное, что меня немного смутило, – в воздухе перед домом витал какой-то неприятный аромат.

Перед входом в дом лениво возил метлой по тротуару гордый сын степей, таджикский гастарбайтер. Остановившись рядом с ним, я поправила очки (без диоптрий, я надела их для пущей солидности) и строго осведомилась:

– Третья линия, дом двенадцать? Я из службы судебных приставов!

Дворник побледнел, замер, взял метлу на изготовку и затараторил:

– Моя регистрация есть! Марфа Семеновна моя паспорт в ящик убрал, а так регистрация есть! Моя участковый платил, моя Степан Степаныч платил, моя всем платил! Регистрация есть, как положено!..

– Да я вовсе не к вам, – успокоила я гастарбайтера. – И не по поводу регистрации. В этом доме проживают господ Капустины?

Вместо того чтобы успокоиться, гастарбайтер еще больше перепугался:

– Это моя ни при чем! Моя Марфа Семеновна говорил, что нельзя капуста в дворницкая хранить, что капуста запахнет, санитарный врач придет, сердиться будет!

Я принялась: вот, оказывается, чем пахло возле этого памятника архитектуры начала прошлого века!

Поняв, что больше ничего полезного от запуганного дворника не узнаю, я направилась к подъезду.

В этот момент оттуда вышел высокий немолодой мужчина с йоркширским терьером под мышкой. Он галантно придержал передо мной дверь, таким образом решив за меня проблему проникновения на объект. В ответ на это владелец йорка ожидал от меня улыбки, но не дождался: я не хотела выходить из роли сурового судебного пристава.

Поднявшись на третий этаж, я остановилась перед квартирой нашей заказчицы и с весьма строгим видом позвонила.

Естественно, мне никто не открыл.

Это меня ничуть не удивило: хозяйка квартиры, наша новая клиентка, находилась на работе, а если в ее квартире был кто-то неизвестный, то он тем более не выдаст своего присутствия.

Я еще раз громко, требовательно позвонила.

При этом спиной почувствовала чей-то взгляд.

Поскольку на лестничной площадке, кроме меня, никого не было, смотрели мне в спину через глазок соседней квартиры. Причем, по моим ощущениям, той, что слева.

Я демонстративно взглянула на часы, потрясла в воздухе своими бумагами и возмущенно проговорила:

– Безобразия!

Затем развернулась, изобразила на лице раздумье и шагнула к той самой двери, за которой чувствовала чье-то присутствие.

Слух у меня хороший, и я отчетливо расслышала за дверью удаляющийся шорох – тот, кто следил за мной в глазок, на всякий случай отступил от двери.

Я позвонила.

На этот раз слышались приближающиеся шаги, и высокий женский голос нарастающим проговорил:

– Иду-у!

Шаги затихли перед дверью, и тот же голос осведомился:

– Кто здесь?

– Служба судебных приставов! – отчеканила я жестким официальным голосом.

За дверью брякнуло, звякнуло, дверь приоткрылась на цепочку, и из-за нее выглянуло остренькое женское личико, похожее на лисью мордочку. Сходство усиливали рыжие волосы, забранные в невзрачный жиденький хвостик.

– Судебный пристав? – переспросила обладательница лисьей мордочки с испугом и вместе с тем с острым интересом.

– Совершенно верно! – проговорила я громко. – Разыскиваю соседей ваших, Капустиных!

– Капустиных? – переспросила «листочка» странным голосом и, откинув цепочку, открыла передо мной дверь. – А вы заходите, заходите, чего ж на лестнице стоять!

Я вошла в квартиру и огляделась.

Собственно, в первую очередь я разглядела хозяйку квартиры.

Это была рыжеволосая женщина в районе сорока пяти, с остреньким любопытным личиком, одетая в трикотажные домашние брючки и розовую футболку с изображением Микки-Мауса. На ногах у нее были розовые же пушистые тапочки с мышинными мордочками.

И бровки аккуратно так выщипаны, и губки подмазаны морковного цвета помадой.

Не спрашивайте почему, но я сразу поняла, что живет соседка Кати Руслановой одна, никаким мужчиной в квартире и не пахло. Чистенько было в прихожей, аккуратненько, на вешалке только дамская курточка и плащ. Это только подтверждает мое первое впечатление.

– Проходите, проходите! – суежилась хозяйка. – Вот сюда, пожалуйста, на кухню.

Кухня тоже была выдержана в розовых тонах, занавески в рюшечку, прихваточки в мелкий цветочек, розовый же чайник и настенный календарь с кошками.

В свое время, когда у меня был загородный дом, я занималась интерьером, много читала на эту тему. Так вот, совершенно точно вам скажу, что ни один мужчина такой кухни не потерпит. Если не сможет жену отговорить, то просто сбежит. Уж не знаю почему, аппетит, что ли, у них от рюшечек пропадает...

Я вспомнила, что представляю официальную организацию, и навесила на лицо самое мрачное выражение.

– Сюда, сюда! – Хозяйка подвинула мне хлипкий пластмассовый стульчик. – Может, чаю?

– Хм... Я, собственно, соседей ваших разыскиваю, Капустиных... Сергея... – я сделала вид, что заглядываю в бумаги, – Михайловича и Татьяну... Леонидовну.

– А по какому вопросу? – вякнула соседка.

– По вопросу вручения судебного постановления! – отчеканила я, твердо глядя в глаза «лисичке».

Она вздрогнула и отшатнулась. Что ж, вполне обычная реакция на слово «судебный».

– Налоги они не платят! – продолжала я в том же духе. – За два года накопилось! Из налоговой устали уведомления посылать, в суд на них подали! Вот, принесла! – Я потрясла в воздухе бумагами.

«Лисичка» вытянула шею, чтобы рассмотреть, что там написано, но я ловко свернула бумаги. На лице ее отразилось разочарование и еще что-то. Не то беспокойство, не то недовольство.

– Все же чайку... – пробормотала она.

– Можно, – солидно согласилась я, – а то убегалась уже вся...

Чай у нее был жидкий и пахнул веником. Как говорит дядя Вася, когда не в духе, – «пол помыли, в стакан налили». И печенье вкусом напоминало сухую штукатурку. Нет, точно, никакой мужчина к этой квартире и близко не подходит!

– Так когда я могу их застать, Капустиных? – спросила я. – Сергея и... – я пошуршала бумагами, – Татьяну Леонидовну?

– А они тут больше не живут, – тихим голосом ответила соседка, а сама смотрела на меня очень внимательно.

Пристально так смотрела, глазами обшаривала.

– Как это – не живут? – Я так резко отставила чашку, что жидкий чай расплескался на клеенку. – Что вы мне, гражданка, голову морочите? Вот же у меня адрес – Третья линия, дом двенадцать, квартира девять!

– Они квартиру продали...

– Значит, должны были в налоговую сообщить о перемене адреса! – В голосе моем звучало праведное возмущение.

– Они за границу уехали, в Америку... – неуверенно обронила соседка.

– Так... – зловеще протянула я, войдя в образ. – Укрывательство от налогов! За это, между прочим, срок полагается!

– Такие приличные люди... – бормотала «лисичка», – никогда за ними ничего подобного не водилось...

– У вас с ними связь имеется? – Я бросила пробный камень.

– Не то чтобы... – замялась соседка. – Прислали они мне письмецо. Дескать, все в порядке, все нравится, в Россию в ближайшее время возвращаться не собираемся. И адреса

своего не указали – мол, еще постоянного жилья нету... А скажите, это какие налоги они не платили? Не за квартиру?

– То нам неведомо, – я убрала бумаги в сумку, – налог на имущество, а какой – я знать не знаю. Мое дело – судебное постановление вручить о взыскании. Оплатить в пятидневный срок, а если не оплатят – будут начислены штрафные санкции. Имущество опишем...

Я сама собой восхитилась – до чего голос суровый. Вошла, в общем, в образ. Соседка же вела себя странно. Она явно заволновалась, покусала губы, а потом спросила, заглядывая мне в глаза:

– А велика ли там сумма? Если не очень большая, так я могла бы заплатить... Уж больно люди приличные, никогда за ними ничего такого не водилось...

– Не положено, – строго сказала я, – на чье имя постановление, тот и платить должен. Так что пойду я.

Тут приятная наша беседа была прервана странными звуками. Кто-то бил громко – бом-бом-бом...

– Что это? – Я едва не подскочила на месте.

– Это часы, – улыбнулась соседка, – часы у меня старинные...

Я и сама уже догадалась. Все вместе это бомканье напоминало песенку про чибиса. Перед моими глазами предстал кабинет пения, и учительница Аглая Самсоновна барабанит по клавишам расстроенного пианино, а мы все, второй «Б» класс, тянем кто в лес, кто по дрова: «У дороги чибис, у дороги чибис, он кричит, волнуется, чудак...»

Подумать только, какая ерунда лезет в голову! Да еще на работе...

Соседка проводила меня до двери и закрыла эту дверь на все замки. Я помедлила на площадке, сделав вид, что застегиваю сумку, встав при этом так, чтобы меня не видно было в глазок. И приникла к двери.

Не знаю, зачем я это сделала, просто так, на всякий случай. И услышала, как за дверью кто-то возится, потом «лисичка» пробормотала с досадой: «Черт, куда он задевался», потом удовлетворенно хмыкнула, потом полминуты была полная тишина, а после снова раздался приглушенный голос соседки:

– Семен, это я!

Больше я ничего не расслышала, очевидно, она ушла разговаривать в комнату. Однако было над чем подумать.

С одной стороны, я ничего не узнала. Ну, продали прежние хозяева квартиру и уехали. С другой стороны, соседка эта, «лисичка», ведет себя странно.

Сами посудите, запустила незнакомого человека, то есть меня, в квартиру. Документа я ей никакого не предъявила, сказала только, что судебный исполнитель. Да мало ли кто что скажет! Эта женщина не произвела на меня впечатления легковверной дуры. Напротив, сразу видно, что «лисичка» себе на уме. И дальше – вдруг предложила заплатить за соседей недоимку! Вот уж это альтруизм, граничащий с идиотизмом! Люди уехали надолго, может быть, навсегда. Ей ничего не поручали, и, по ее же словам, в особой дружбе она с бывшими соседями не состояла. То есть маловероятно, что ей деньги вернут. А по глазам видно, что эта соседка – такая выжига, зимой снега у нее не выпросишь, а тут вдруг сама предлагает заплатить.

Нет, явно что-то тут не то. Либо прежние хозяева квартиры уехали не так далеко, не в Америку, и она знает, как их найти, либо... Либо не знаю, что и думать.

Потом она сразу стала звонить какому-то Семену. И совершенно ясно, что отношения у нее с этим Семеном чисто деловые, причем серьезные. Что не бывший он ей муж, не любовник, не парикмахер и не массажист. Уж такие вещи я по голосу определяю.

За такими мыслями я вышла из подъезда, обогнула дом и пошла в сторону проспекта. На углу в том же доме находилось небольшое кафе. Я не стала заходить, чтобы лишний раз не маячить.

Разумеется, дядя Вася будет недоволен. Фактически ничего я не выяснила, а про мои догадки и умозаключения он скажет, что все это неясно, неточно и вообще недоказуемо. Ладно, посмотрим, что он выяснит у риелтора.

Катя вышла из дома, где проживал частный детектив, и пошла по улице. Мысли ее были безрадостны. Похоже, ничего она своим визитом не добилась, только деньги зря отдала. А их у нее и так немного.

В самом деле, неужели она всерьез надеялась, что ей поможет частный детектив? Да еще такой – немолодой, неухоженный недотепа, бывший милиционер. Нищий, невезучий... С чего ему вздумалось идти в частные детективы?

Она тут же одернула себя – совершенно ни к чему думать плохо о незнакомом человеке. Только потому, что у нее, Кати, плохое настроение. И неприятности. Настоящие или выдуманные. Впрочем, если она все выдумала, то это означает, что у нее еще большие неприятности.

Тридцать пять лет. Ни мужа, ни детей. Единственный близкий человек, мама, умерла весной. И этого уже не поправишь.

Вот это действительно плохо. Но... «Ты это переживешь, – сказала ей мама, пока могла еще говорить и думать, – все переживают. Ты привыкнешь. Со временем».

Что ж, наверное, мама была права, сейчас боль уже не такая сильная. Во всем остальном можно найти хорошие стороны. Она ничем и никем не связана, она может устроить жизнь по своему вкусу, она востребована на работе, ее вот только что повысили, у нее вполне приличная зарплата, неплохие перспективы карьерного роста, и у нее удобная и просторная своя собственная квартира.

Вот в этом-то все дело.

У Кати с детства был спокойный и ровный характер. «Серьезная девочка», – говорили маме воспитатели в садике и учителя в школе. Мама только пожимала плечами – что тут плохого?

В школе Катя училась хорошо, была очень ответственной и старательной, никогда ничего не забывала, ее ставили в пример одноклассникам. Постепенно выяснилась главная черта ее характера – Катя не любила тратить время зря. Если поваляться на диване, то только с книжкой, если смотреть любимый сериал по телевизору, то обязательно что-нибудь делать руками – пуговицу пришить, вязать. Она никогда не трепалась с подружками часами по телефону, не болталась во дворе, не шушукалась, не обсуждала парней. При этом умудрялась сохранять хорошие отношения со всеми, вовсе не была синим чулком, занималась спортом. И вообще к старшим классам стала очень хорошенькой.

– Уж слишком ты у меня организованная... – вздыхала мама, слушая дружные похвалы учителей, – нельзя воспринимать жизнь так серьезно...

Катя смеялась и отмахивалась – чем ты недовольна? Мама не умела или не хотела объяснить, только постоянно твердила, что на жизнь смотреть надо проще.

После окончания школы Катя поступила в институт тут же, у них в городе, хотя учителя советовали ехать в Петербург или в Москву – голова у девчонки светлая, при хорошем образовании очень многого может достичь. Но мама что-то стала прихварывать, и не хотелось оставлять ее одну. Отец давно умер, с тех пор мама так и не оправилась.

На третьем курсе к Кате на лекциях подсел симпатичный парень, да так и просидел года два. Долго они просто дружили, гуляли, болтали, вместе готовились к экзаменам, а потом как-то отношения перешли в другое русло. После института решили пожениться – чего тянуть, все замуж выходят, и Кате тоже пора... Мама была не против, ей Володя нравился – простой такой парень, без затей, характер хороший.

Мама даже переехала на время к двоюродной сестре за город, чтобы молодым было посвободнее.

Через год при виде мужа Кате хотелось повеситься.

Он все время был рядом. Кроме тех восьми часов, что ходил на работу. Он именно ходил – работу он выбрал по территориальному принципу: чтобы поближе к дому. Вечерами он пил пиво и смотрел по телевизору футбол или хоккей, в зависимости от времени года. Были еще баскетбол и синхронное плавание. Он требовал, чтобы Катя сидела с ним рядом на диване и разделяла его страсти. Катя ничего не понимала ни в футболе, ни в хоккее, а вид девушек с прищепками на носу вызывал у нее нервный смех. И пиво она не любит. Муж обижался – не хочет разделять его интересы, а у них все должно быть общее. Кате же безумно жалко было потраченного впустую времени. Она и так достаточно много тратила его на домашние дела и на приготовление обедов.

Выяснилось, что муж любит покушать. В этом не было ничего удивительного – Катя росла с отцом, в полной семье и прекрасно запомнила, что такое мужчина в доме. Мужчина любит вкусно поесть, любит прийти в чистый уютный дом, а каким образом все это получается, предпочитает не знать.

Но опять-таки жалко было потраченного времени. Тем более что муж взял моду подшучивать и критиковать: его мама, мол, делала не так, вот бы Кате у нее поучиться. Слава тебе, господи, свекровь жила далеко в Сибири, даже на свадьбу не приехала; денег, правда, прислала.

Муж везде разбрасывал свои вещи. Катя находила грязные носки в раковине на кухне, у себя под подушкой, в гостиной на диване – только не в стиральной машине.

«Все это мелочи, – говорила мама, приезжая изредка повидать дочь, – привыкнете друг к другу, притретесь, смотри на это проще...»

Через год Катя поймала себя на мысли, что не хочет притираться к мужу. В самом деле, что они – две детали какого-нибудь формовочного прессы? Или шлифовального станка?

Еще она поняла, что не испытывает к мужу совершенно никаких чувств, кроме скуки.

Скучно было сидеть с ним у телевизора, скучно смотреть, как он ест – торопливо, жадно, как будто сутки работал в поле или шел двадцать километров через болото с полной выкладкой. Скучно было готовить ему по утрам завтрак – всегда одну и ту же яичницу-болтушку с колбасой. Хоть бы омлет попросил, что ли, с тоской думала Катя. Или сырники...

Еще муж отчего-то взял моду подшучивать над ее мамой, хотя от тещи ему не было никаких неприятностей – виделись-то редко. Он бесконечно рассказывал пошлые анекдоты и пел матерные частушки «Мимо тещино дома...» и так далее. Катю тихо трясло, а муж смеялся – что такого, все так делают...

Вообще при ближайшем рассмотрении он оказался ужасно бесцеремонным типом. Он без спросу лазил в ее компьютер, что-то там записывал и переустанавливал. Он читал ее эсэмэски в мобильном телефоне, а на все замечания, что чужие письма читать неприлично, искренне пожимал плечами – что, мол, такого секретного там может быть? Мы же с тобой одна семья...

Когда же комп после его фокусов сломался, Катя разозлилась всерьез, и они здорово поскандалили. Катя вышла из себя, вспомнила ему все и даже попрекнула тем, что он живет в ее квартире. Об этом, впрочем, тут же пожалела.

Муж, конечно, обиделся со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он хлопнул дверью и не пришел ночевать. Вечер Катя блаженствовала в тишине, а потом начала психовать. К рассвету, когда она решилась уже обзванивать больницы, в дверях заскрипел ключ. Он пришел – голодный, замерзший и слегка под градусом. Пахло от него дешевыми сигаретами и подгорелой кашей. У Кати не было сил для нового скандала.

В тот раз они помирились, жизнь вошла в привычную колею, и Кате по-прежнему было с ним скучно. Он ничего не читал, смотрел только боевики и фильмы ужасов, с друзьями общался исключительно за кружкой пива. Разговаривать им было не о чем. К тому же он в

разговоре с ней все время употреблял грубые слова, Катя подозревала, что нарочно. Так, еду он называл жрачкой, кафе – тошнеловкой, деньги – баблом.

«Жрачка – в корыте для поросят, – говорила ему Катя, – а у людей – еда или пища...»

Муж в ответ обзывал ее занудой, а ее просто трясло от таких слов, и аппетит пропадал начисто.

И в постели Кате с ним тоже было скучно. И ничего нельзя было с этим поделать. На все ее намеки он не реагировал. Не с подружками же такие вопросы обсуждать. Этак через два дня весь город про Катины интимные проблемы знать будет...

Они продержались два года. А накануне годовщины свадьбы Катя пришла домой в неурочное время и застала мужа в их семейной постели... не с лучшей подругой, нет, потому что у нее не имелось закадычных подруг. Было много приятельниц, со всеми сохранились у нее хорошие отношения – и в школе, и в институте, и на работе.

Девушка эта, чью голую спину Катя увидела еще из прихожей, считалась общей приятельницей и даже была на их свадьбе. Две чашки подарила, с картинками охоты.

Катя и сейчас точно помнит, что единственное чувство, которое она испытывала в этот момент, – чувство освобождения. Ей было легко, как будто с души свалился мельничный жернов. Какая неожиданная удача, какой сказочный подарок ей поднесла судьба – быстро и навсегда освободиться от постылого брака!

Насчет семейной постели – это расхожий штамп, на самом деле парочка расположилась в гостиной, чтобы, надо думать, Катя не унюхала в своей кровати запах чужой женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.